

Александр ПРОЗОРОВ

Арканы

Новый цикл от создателя «Ведуна»!

Арканический конгун

Ариец

Александр Проzorов
Аркаимский колдун

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Аркаимский колдун / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2016 — (Ариец)

ISBN 978-5-699-90453-2

IX век до нашей эры... На обширной Русской равнине живут три великих народа: славяне, выплавляющие железо, возделывающие огороды и поклоняющиеся Сварогу и Макоши, скифы, добывающие медь, пасущие в степи тучные стада и чтящие великую Табити, и лесовики, живущие охотой и ведущие свой род от зверей-первопредков. Где-то эти народы враждуют, где-то торгуют, жизнь идет заведенным порядком. Однако неожиданно в этот тихий мир проникает из XXI века наш соотечественник, прирожденный колдун по имени Андрей, считающий себя истинным арийцем и ищущий своих первопредков, дабы познать все тайны магии. Равновесие мира нарушается, и начинается Большая Война...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90453-2

© Прозоров А. Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Васильки в ногах	10
Большой алтарь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Прозоров

Аркаимский колдун

© Прозоров А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Облака разошлись, и на недавно кошенный луг, между сосновым бором и тихой, но полноводной рекой Вымь, упали желтые лучи круглой холодной луны. Оказавшись на свету, встрепенулись и громче застонали лягушки, застрекотали сразу несколько цикад, в лесу недовольно чирикнули птицы. От воды потянуло слабым запахом мятой осоки; дрогнули камыши, между которыми паслась невидимая в черной воде рыба.

– Ты глянь, луна-то какая, Тройчата! – откинулся на спину безусый паренек, лежащий у костра. Он был совсем юн, лет шестнадцати, но толстая кожаная куртка, широкий ремень с петлями для оружия, легкий железный топорик под рукой и лежащее чуть далее копье с похожим на ладошку наконечником выдавали в мальчишке воина. – Сказывают, в такие ночи лесные люди в зверей перекидываются и на охоту выходят.

– Неужели ты веришь в эти бабы побасенки, Щипач? – отозвался второй воин, сидящий по другую сторону костра на круглом потрепанном щите. Он тоже был одет в толстый кожаный панцирь и опоясан ремнем, на котором висела замшевая поясная сумка. Однако уже обзавелся бородой и солидными усами. – Превращаться в зверей не умеют даже взрослые боги! Ты хоть раз слышал, чтобы Триглава в лося перекинулась? Или Даждбог? Откель тогда у лесовиков глупых таковому умению взяться?

– Так ведь лесовики, Тройчата! Они со зверьми в родстве. Сказывают, за предков своих – волков, рысей и быков всяких почитают.

– Тихо! – вскинул палец взрослый воин.

– Что? – Паренек приподнялся, закрутил головой.

– Не суетись, Щипач, – легким шепотом произнес Тройчата. – Ночью все едино ничего не углядишь. Слушать надо, слу-у-ушать...

– Цикады умолкли... – опасливо выдохнул паренек, и рука его торопливо нащупала рукоять топорика.

– Слу-ушай... – качнулся вперед, чуть привставая, мужчина.

Слабый шелест, словно дуновение ветерка, прокатился от реки к тусклому сторожевому костру, и свет огня проявил взметнувшиеся в прыжке звериные тела.

– А-а... – Настороженный паренек успел вскинуть оружие, и лезвие топорика столкнулось с оскаленной волчьей мордой. Но ударило без замаха, а потому бессильно скользнуло по густой жесткой шерсти. Клыки лягнули перед самым лицом, словно сжирая крик дозорного – но это Щипач сам сбился с дыхания, успев откинуться, ускользая от опасности. Он взмахнул топориком и вогнал-таки его зверюге в крестец. Но и волк оказался ловок – хищник извернулся и сомкнул свою пасть чуть ниже затылка юного врага, с хрустом перекусив позвоночник.

Опытный воин оказался для зверья куда более опасным противником. Он принял нападение не на топор, а на щит. И хотя удар сразу двух тяжелых туш сбил мужчину с ног, Тройчата не получил ни царапины и даже успел наугад взмахнуть топориком вдоль земли. Железо сочно чмокнуло, вонзаясь во что-то мягкое, и воин торопливо ударил туда же щитом, окантовкой ломая кости невидимого врага. Тот жалобно взвыл, а дозорный быстро крутанулся, закрываясь щитом от шороха, толкнул правый край деревянного диска от себя и тут же ударил им вперед, ощутив упругое сопротивление живой плоти. Взмахнул топориком – но на этот раз никуда не попал – и сразу крутанулся на месте, широким движением отпугивая зверье.

Темнота недовольно зарычала, вспыхнули огоньки, метнулись вперед. Тройчата опять закрылся, но щит спас только от волка, прыгнувшего сверху. Второй же напал понизу и вцепился в щиколотку, дробя клыками сустав. Отпустил, не дожидаясь ответки, шарахнулся в сторону. Воин охнул от боли и, теряя равновесие, взмахнул руками, вскинув и щит, и топорик. К открывшейся груди тут же метнулись сразу два зверя.

– Береги-и-и!.. – закричал воин, но окончание фразы захлебнулось кровью.

Впрочем, и этого короткого предупреждения оказалось достаточно, чтобы находящийся неподалеку поселок зашевелился.

Селение выглядело просто: два стоящих напротив друг друга длинных бревенчатых дома, десяти шагов в ширину и полусотни в длину каждый; крытые тесом двускатные крыши, окошки для выпуска дыма наверху, широкие двери внизу. Углы домов соединял тын, образуя просторный двор с колодцем в центре. На каждую сторону двора были сделаны прочные ворота, сшитые из толстых жердей и подпертые на ночь кольями. Крепость не крепость, но ночевать можно без опаски, даже в нынешние тревожные времена.

Вот и теперь – едва послышался крик, двери домов распахнулись, на двор стали выбегать мужчины, на ходу оправляя куртки и застегивая пояса.

– Что там? – спросил стоящего у колодца караульного один из выскочивших бородачей.

– Похоже, стадо наше кто-то угоняет, Горчак, – ответил тот. – Эх, зря мы лосей на выпасе оставили! Не сильно отощали бы, и в загоне переночевав.

– «Не отощали бы...» – передразнил его Горчак. – Сам, небось, пожрать завсегда готов! А скотину на вытоптанном дворе держать хочешь. Да и откуда здесь татам таковым взяться, чтобы на стадо покуситься? Ведь выследим и перебьем!

– На татей не похоже, старшина, – покачал головой караульный. – Криков, стука не было, на бой не тянет. А вот вой и скулеж я слышал.

– Нешто волки? – встревожился другой воин. – Эти не угонят. Эти зарежут всех, одного пожуют и уйдут. Эти кровь куда больше мяса любят. Им убивать в удовольствие, останавливаться не умеют. Спасать надобно лосей-то...

– Мамай, Русак, Лапоть, остаетесь, – быстро принял решение старшина. – Остальные за мной. Глянем, кто балует. Ворохапка, открывай!

Караульный торопливо выбил подпорки от направленных к лугу ворот, оттянул створку. Два десятка мужчин – со щитами, копьями, с топориками и ножами на поясах вышли в лунную ночь, быстрым шагом направляясь к выпасу. Однако почти сразу вдоль тына и за их спинами к распахнутым воротам метнулись стремительные тени, норовя незаметно проскочить в оставшийся почти беззащитным двор.

– Сзади!!! – Хитрость оказалась разгадана почти сразу. – Ворота закрывай! Во-олки!

Зверей заметили и воины вышедшего отряда, и четверо оставшихся мужчин. Они тут же навалились на створку, толкая воротину вперед, подпирая кольями, – и внутрь успело проскочить всего два серых хищника.

– Лови их, лови! – развеселились караульные. Они взяли за пики и стали бегать по просторному двору, норовя наколоть зверей на острый наконечник. – Мяска захотелось? Теперь хворост своими шкурами закрывать будете!

Примерно такая же судьба ожидала и остальных волчьих собратьев – Горчак быстрыми командами развернул своих людей в цепь и прижимал хищников к тыну.

– Не упустите зверей, мужики! – Старшина, двигаясь в центре отряда, опустил копье. – Покончим со стаей, на несколько лет в лесах спокойно станет!

И тут случилось неожиданное. Воздух наполнился тяжелым шмелиным гулом, и в спины людей ударили сразу десятки стрел. Тяжелые каменные наконечники, предназначенные для охоты на крупного зверя, уверенно пробивали толстую дубленую кожу ратных доспехов и впились в тело на глубину в два-три пальца. Убить, может, и не убивали – но боль причиняли изрядную, да и кровь по спинам сразу потекла широкими струйками.

Ругаясь и вскрикивая от попаданий, воины поспешили повернуться, подняли щиты – и тут же вперед метнулись волки, норовя порвать врагам щиколотки, сухожилия или перегрызть правый локоть, если тот оказывался слишком далеко отставлен назад. Люди начали падать один

за другим, и после каждого падения ливень стрел, направленный в уцелевших, становился все гуще...

Во дворе ничего этого не видели. Охотниками на затравленных волков овладел такой азарт, что по сторонам они уже не смотрели и потому не заметили нескольких рысей, быстро пробежавших по кровле. Крупные лесные кошки спустились к самому краю крыши и, улучив момент, сделали то, что умели лучше всего на свете: обрушились сверху на ничего не подозревающую добычу.

В тот же миг волки из дичи превратились в охотников – и тоже кинулись на сбитых с ног врагов... В воздухе запахло парной кровью, а звери, подбежав к кольям, толчками своих сильных тел выбили подпорки жердяных створок. Открыть их серые хищники не могли – но это и не требовалось. После того как замертво рухнул последний защитник, со стороны реки, от камышовых зарослей, появились обвешанные ветками и травой лучники. Пряча свое оружие в колчаны, они взялись за ворота и распахнули их настежь. Уверенно вошли во двор. Следом неспешно протрусила вся звериная стая, а самым последним вошел длинноволосый шаман, прическа которого состояла из тонких и толстых косичек, одеждой была свободная засаленная малица, с пояса свисало несколько бараньих и козьих рогов и хвосты всякого зверья – лисьи, горностаевы, волчьи, беличьи, сусличьи. Из оружия шаман имел только посох, тоже увешанный кисточками из звериного меха и покрытый рунами, да клееный нож – основа из дуба, а кромка набрана из кремневых пластинок.

Сделав круг по двору, приняхиваясь и водя левой ладонью, шаман остановился рядом с колодцем, положил посох на землю, воткнул в него нож, отступил в сторону.

Звери, разбегаясь, стали один за другим прыгать через него – и прямо в прыжке преображались, оборачиваясь молодыми сильными мужчинами. Причем многие, несмотря на юность, уже имели на теле по несколько крупных шрамов. Кувыркнувшись, они поднимались с земли голыми – и сотоварищи из лучников спешили подать оборотням куртки, штаны, сапоги, пояса.

– Ну вот, – поднял лицо к небу один из перекинувшихся воинов, темноглазый, черноволосый и остроносый. – До рассвета еще не меньше двух часов, а Емва уже взята. Получилось даже быстрее, чем ожидали.

– Еще не взяли, Любый. – Почтительно склонившись, шаман выдернул нож из посоха, поднял свою корявую палку и оперся на нее. – Оставшиеся славяне заперлись внутри.

– Ну и что, Велихост? – пожал плечами худенький мальчишка, болезненно потирающий свежий кровоподтек на ребрах. – Подождем, и пусть сидят, сколько захотят!

– Если подождем, глупый котенок, они сгорят вместе со своим добром! – наставительно ответил шаман. – Зачем тогда мы сражались, коли останемся без добычи? Поджечь можно и просто так, без схватки опасной. Стрелами.

– Подождем утра и выйдем двери тараном, – вздохнул Любый. – Спешить больше некуда, славянские мужчины мертвы.

– А чего не сейчас? – не унимался мальчишка. – Дело-то быстрое!

– Потому, малой, что прожекторов на сегодня мы еще не изобрели, – пожал плечами остроносый оборотень. – Мы намного лучше обычных людей чувствуем темноту, поэтому воевать нам лучше ночью, полузрячими супротив слепых. Однако обычными делами, Васхо, проще все-таки заниматься при свете.

Однако воинам, только что одержавшим победу, не сиделось на месте. Все еще объятые азартом схватки, они оказались не в силах ждать рассвета. Отыскав где-то бревно, воины всего парой ударов высадили дверь правого дома, устремились внутрь. Послышался истошный женский визг, крики, детский плач.

Остроносый нахмурился, поманил к себе ша-мана:

– Велихост, иди туда и проследи, чтобы никого не убили.

– Но почему, Любый? – нахмурился тот. – Зачем ты так добр к славянам? Ведь они наши враги! Почему нам не сжечь их раненых? Это устроит тех, кто еще не вступил в битвы! Почему нам не принести в жертву лесным духам нескольких славянских детей? Духи ответят нам благодарностью!

– Нашим потомкам еще долго жить на этой земле, Велихост, – ответил остроносый оборотень. – Если мы польем ее кровью невинных детей и пропитаем мукой умирающих пленников, она насытится злобой, и эта злоба станет отравлять души нашего народа. Зачем нам это, Велихост? Пусть эта земля останется чистой и счастливой, полной красоты и радости. Если мы станем убивать славянских детей и пытаться раненых, славяне захотят отомстить. Они будут воевать не зная усталости и жалости и не успокоятся, пока не истребят весь наш род либо не сгинут сами. Зачем нам пробуждать в них ненависть, Велихост? Пусть знают только то, что мы сильнее, что с нами бесполезно воевать. Этого достаточно. Посему я желаю, чтобы на этой войне проливалась кровь только воинов и только в битвах. Что до детей и женщин, каковые не понравятся нашим парням, до стариков и увечных мужчин, выживших на поле боя, то поутру посадите их в лодки и отправьте вниз по реке. А не хватит лодок, свяжите им плоты! Пусть в Вологде знают, что эта земля больше не принадлежит славянам. Пусть поймут, что случится со всеми воинами, каковых они попытаются отправить вместо этих.

– Да будет воля твоя, Любый, – почтительно склонил голову шаман и поспешил в разорванный дом.

Часть первая

Васильки в ногах

Это был всего лишь миг: смартфон пискнул об эсэмэске, он опустил глаза на звук, сунул руку в карман – и тут же ощутил сильный удар в плечо.

– Какого... – ругательство Андрей оборвал на полуслове, успел вовремя проглотить, увидев жалобное личико потирающей лоб девушки:

– Мамочки, больно-то как!

– Простите, пожалуйста. Отвлекся. – При виде хрупкой жертвы молодой человек, высокий и худощавый, с темными волосами и острым носом, ощутил себя виноватым. – Позвольте, я посмотрю?

– У вас там кирпич спрятан, да? – Девушка подняла голову, все еще морщась. У нее были большущие глаза цвета кофе с молоком, точеный носик и светлые, словно чистый снег, губы. Подбородок с ямочкой и тонкая шея, воскрешающая в памяти подзабытое слово «лебединая». Легкий аромат жасмина и мускуса с примесью горчинки, словно от новенькой, недавно продубленной кожи. Совсем не женский запах. Похоже, сегодня она воспользовалась чужим дезодорантом... – И чего ты на меня так вытаращился?

– Я студент-медик, – ответил молодой человек. – Смотреть на пострадавших – смысл моей жизни.

– Ну и как там? – слабо улыбнулась девушка. – Голова пополам? Или жить буду?

Андрей запоздал с ответом. Он пытался понять: у незнакомки и вправду губы белые, как снег, или просто помада такая? У молодого человека появилось явственное желание этих губ коснуться. Проверить своими, насколько они холодны...

– Ау-у, человек-кирпич! – окликнула его девушка. – Почему молчишь? Все так страшно?

– Я постигаю пустоту всей своей предыдущей жизни, милая леди, – спохватился Андрей. – И готов осматривать вас бесконечно.

– Спасибо за комплимент, но у меня нет в запасе этой бесконечности. – Девушка снова потерла лоб, а потом вдруг коснулась ладонью его плеча, чуть нажала: – Странно. А ведь кажется мягким. Вы меня тоже извините. Засмотрелась на стрижей, вот и врезалась. У нас в парке их никогда не было.

Андрей понял, что незнакомка уже уходит и через миг навсегда растворится в толпе, унося свою маленькую тайну, свои глаза и голос, и...

– Стойте! – взмолился он. – Простите, девушка, вы не могли бы принять участие в небольшом научном эксперименте? Это займет всего несколько секунд.

– Несколько секунд? – Незнакомка заинтересовалась и остановилась. – Десяти хватит?

– Вполне, – обрадовался Андрей, завладев-таки вниманием жертвы. – Вы не могли бы сойти с гаревой дорожки и поставить ногу на траву?

Незнакомка пару мгновений колебалась, глядя ему в глаза, а потом осторожно переступила через низкий бордюр парковой дорожки. Тут же вокруг ее туфельки вверх рванулись яркие васильки – и от неожиданности девушка даже отдернула ногу. Цветы исчезли. Незнакомка поколебалась, снова шагнула на газон – и опять вокруг ступни распустилась целая клумба.

– Как ты это сделал?! – Кофейные глаза изумленно округлились.

– Теперь нужно записать результаты, – деловито сообщил Андрей и достал из заплечной сумки тетрадь, щелкнул кнопкой ручки: – Назовите, пожалуйста, свое имя, адрес и номера доступных телефонов.

– Ты меня клеишь? – широко улыбнулась девушка, отступая с газона обратно.

– Я с тобой знакомлюсь, – уточнил студент-медик. – Меня зовут Андрей, учусь в меде, холост, свободен, здоров.

– А я уже почти замужем, – виновато развела руками девушка, наклонилась и поцеловала его в щеку: – Спасибо за фокус, Андрей! Впечатлил...

Она засмеялась, отступив, помахала ладошкой и снова побежала через парк.

– Так как тебя зовут?! – крикнул ей вслед молодой человек.

– Катерина!!! – на миг развернулась девушка и побежала дальше.

– Ну вот, что же всегда так не везет? – разочарование наполнило душу Андрея горечью. Ведь он уже почти завладел незнакомкой – ее интересом, ее помыслами. И вдруг – бац! Тайна унеслась, лишь слегка коснувшись его щеки своим краешком. Ее словно выдернули из-под самого носа, слегка поманив соблазном. И от того потеря показалась вдвое желаннее.

Впрочем...

Катя явно испытала неловкость из-за своего «почти замужества». И она назвала свое имя! Похоже, девушка тоже была не против более близкого знакомства и ушла через силу, перешагнув через собственные желания просто из порядочности.

– Порядочность – это хорошо... – решил Андрей и потянул носом воздух. – Но ведь «почти» – это еще не замужем. Ты пока свободна...

Он уловил жасмин и мускус с горчинкой и резко сорвался с места, стремясь успеть к цели, пока легкий путеводный аромат еще не рассеялся.

Запах провел молодого человека через парк во двор одного из домов ближайшего квартала, указал нужный подъезд панельной многоэтажки – закрытый, правда, на кодовый замок. Дождавшись выходящего жильца, Андрей скользнул внутрь, побежал вверх по лестнице, пока на пятом этаже не почувствовал заветный аромат. Медленным шагом он прошел мимо дверей и без труда обнаружил квартиру, возле которой запах обрывался.

– Подожди немного, я скоро, – попросил он китайскую железную дверь и скатился обратно по лестнице.

Но уже через двадцать минут молодой человек опять стоял перед нею, держа в руках большой букет алых роз, пахнувших дешевым одеколоном. Андрею эта маркетинговая хитрость не нравилась – но в найденном поблизости магазинчике других приличных цветов просто не имелось. Впрочем, молодой человек давным-давно заметил, что мало кто из окружающих различает запахи так же хорошо, как он, – и уверенно нажал кнопку звонка.

За дверью послышались шорохи, негромкие переговоры. Но потом щелкнул замок, створка распахнулась.

– Как ты меня нашел?! – Девушка была в черном топике и коротких шортах.

– У меня же сохранились данные эксперимента! – вскинул брови Андрей. – Так что ничего сложного.

– Мой след на траве и имя?

– Было бы желание, и хватит даже запаха духов.

– Однако ты умеешь удивлять, – покачала головой девушка. – Только я уже говорила. Я не свободна. У меня имеется жених.

– Может быть, ты расскажешь об этом подробнее? Например, сегодня вечером на концерте. Надеюсь, ты любишь авторскую песню?

Катя заколебалась, глядя в глаза настойчивого гостя. И тут в прихожей появилась круглолицая, среднего возраста, комплекции и роста женщина в махровом халате, остановилась:

– Какие роскошные цветы! Давно не видела таких красивых.

– А это вам, – улыбнулся женщине Андрей.

– Мне? – удивилась та и чуть взбила крашенные охрой кудри. – В честь какого праздника?

– В благодарность за чудесную дочь.

– О-о, как это галантно! – расплылась женщина в широкой ответной улыбке, приняла букет. – Но ведь вы не Вадим, верно?

– Это Андрей, мама, – посторонилась девушка, пропуская гостя в квартиру. – Просто знакомый, студент из медицинского института. Их корпуса от нас через парк.

– Медик? – вскинула голову женщина. – А вы не могли бы посмотреть мое плечо? Уже полгода болит, измучило совсем!

– Мама! – взмолилась Катя.

– А чего не посоветоваться с другим врачом? – не поняла женщина. – Доктор наш про нервы постоянно что-то непонятное говорит да таблеток на семь тысяч выписал. Вот только толку никакого!

– Конечно, посмотрю, – согласно кивнул Андрей, но уже без улыбки, и опустил заплечную сумку под вешалку.

– Я сейчас, цветы в воду поставлю. Доченька, ты доктора в комнату проводи. Не здесь же он осматривать будет.

– Ты же просто студент! – зашипела на гостя девушка.

– Четвертый курс, – гордо вскинул растопыренные пальцы Андрей.

– Недоучка!

– Мне же не операцию на сердце делать нужно.

– Мне раздеваться? – громко спросили из-за двери.

– Нет, обнаженного плеча хватит! – ответил гость.

– А может, ты извращенец? – подколола его Катерина.

– Почти угадала, – согласился студент. – Показывай, где руки мыть.

В небольшой комнате с диваном и кроватью он усадил женщину на стул, потрогал плечо сперва пальцами, медленно вдавливая их, потом размял больное место между ладонями. Больная охнула.

– Мне нужен шерстяной шарф и горчица, – потребовал от Кати гость. – А вам, леди, горячий чай с малиной или медом.

– Какой шарф и зачем горчица? – потребовала ответа девушка.

– В каком-то из мест, где твоя мама долго находится, ей дует в плечо. И постоянно выстуживает мышцу. Избавьтесь от сквозняка, поносите на плече шерстяную повязку, слегка присыпанную горчицей, через неделю все пройдет, – пообещал Андрей и уточнил: – На ночь повязку можно снимать.

– Я же говорила, мама, давай эту форточку просто заколотим! – всплеснула руками Катя.

– Так ведь тогда кухню вообще не проветрить, – возразила женщина. – Там и так не продохнуть!

– Может, я посмотрю? – предложил гость.

– Не нужно, Андрей, – отрицательно покачала головой девушка. – Мы уже деньги отложили, осенью стеклопакеты поставим.

– Тогда оставшееся время хотя бы не подставляйтесь, пожалуйста, – посоветовал студент больной.

– Спасибо, юноша, у вас золотые руки, – натянула халат на плечо женщина. – Пойду тогда чай поставлю. На вас заваривать?

Молодые люди не ответили, и она махнула рукой:

– Ну ладно, – вышла из комнаты.

– Опять удивил, – признала Катя. – Спасибо.

– Мне несложно, – покачал головой Андрей. – Я ведь в мед пошел потому, что лечить более-менее получается, а не для того, чтобы там научиться. И как насчет концерта?

– Я чувствую подвох! – усмехнувшись, ткнула его пальцем в грудь девушка. – У тебя все и всегда с неожиданностью. Колись!

– Выступление будет в ресторане. Музкафе «Три коровы». Столик, вино, возможность поболтать.

Катя с какой-то грустинкой улыбнулась, покачала головой:

– Почему ты не появился раньше, Андрей? – Она слегка развела руки. – Теперь все. Время свиданий кончилось. Я выхожу замуж.

– Муж, семья, достаток и спокойствие? Все, как положено, согласно графику? – прищурился Андрей. – Нашлась удачная партия, и страшно ее упускать? Это чертовски перспективный парень или состоявшийся серьезный джентльмен?

– Мы знакомы всего три часа! – В голосе Кати появился холод. – Кто ты такой, чтобы читать мне нотации? И что ты можешь про меня знать?

– Очень многое, – склонил голову набок молодой человек. – Например, за минувшие три часа ты три раза сказала, что выходишь замуж... но ни разу не ответила мне, что любишь другого.

– Ты еще и психолог?

– Ты будешь жить в покое и благополучии, но никогда не узнаешь счастья, – взял ее за руку Андрей. – Потому что ты всегда будешь тосковать о любви. Любовь – это такая штука, которую легче потерять, чем не узнать ее вовсе.

– Откуда в тебе старческая мудрость, студент-недоучка? – хмыкнула девушка.

– Наслушался, – пожал плечами Андрей. – Пациентки любят в жилетку поплакаться. Чего им еще делать в процедурке, пока тянется плазморефрез, кроме как не на судьбу свою жаловаться?

– У тебя на все ответ готов, как я посмотрю. – Свою руку девушка так и не забрала. – Тогда посоветуй, студент, что мне делать? Ты ведь знаешь меня целую вечность. Больше трех часов. Бросить все и пойти искать любовь? Так, что ли? Но только ради чего ломать себе судьбу? Мужа надежного и достаток на что променять? На призрачную фантазию? Может, ее и нет вовсе, любви этой?

Девушка стояла перед ним, глядя в глаза, и наполнялась холодом. Холодом ужаса, холодом безнадежности, холодом предчувствия. Холодом, от которого лопаются души и судьбы, – молодой человек ощущал, как морозные колючие льдинки осторожно перебираются с пальцев девушки на его ладонь, крадутся вверх, стремясь выстудить и его тело. Но взгляд Кати завожогил его, не позволяя отдернуть руку, оторваться на безопасное расстояние.

«А может, и нет у нее снежно-белых губ? – вдруг подумал Андрей. – Может, это я, и только я вижу ее такой? Мерзлой, оледеневшей? Может, это только мне, единственному, хочется ее отогреть?»

– Ты когда-нибудь встречал любовь? – придвинувшись ближе, вскинула подбородок девушка. – Ты сам? Поклянись, что она есть! Вдруг поверю?

– Отдай свою судьбу мне, – прошептал Андрей, и теперь уже по его спине пробежал холодок предчувствия.

– После трех часов знакомства? – Катя покачала головой. – И что я получу взамен?

– Мое сердце.

– И все?

– Так больше у меня ничего нет, – чуть пожал плечами молодой человек.

– Ты хочешь, чтобы я отдала себя всю в обмен на твое сердце?

– Все на все, – тихо произнес он.

– Это безумие. Мы даже незнакомы!

– Это безумие, – кивнул Андрей. – Ты согласна?

Катя облизнула свои снежные губы, ее пальцы задрожали. Она закрыла глаза, с силой сжала веки и вдруг выдохнула:

– Да! – Она сглотнула. – А!.. Да-да! Забирай меня всю! Только скорее, пока я не передумала!

Андрей обнял девушку и крепко поцеловал ее. Затем потянул за собой, бегом уводя из квартиры. И снова целовал – в лифте, в такси, на улице, на лестнице, у себя в комнате, торопливо срывая с нее одежду, и в постели, уже став с нею единым целым, целовал жадно, нетерпеливо – словно без Кати всю свою жизнь умирал от жажды и теперь никак не мог утолить ее...

Жажда отпустила его только в вечерних сумерках – чтобы уступить место усталости, неуволимой дреме, и потому в реальность молодого человека вернула испуганная фраза:

– Это что, уже утро?

Андрей открыл глаза, увидел рядом спину сидящей девушки, тоже поднялся, обнял ее за плечи, поцеловал в шею. Катя чуть наклонила голову, прижимаясь к его щеке своей. И вдруг испуганно проронила:

– Что же я теперь маме скажу?

– Хочешь, я сделаю так, чтобы она не вспомнила про твое отсутствие?

Девушка покачала головой:

– Нет, лучше я позвоню... Боже, что я натворила? – выдохнула она.

– Изменила свою судьбу. – Молодой человек опрокинул гостью на спину, поцеловал в горячие пунцовые губы, потом в глаза, пригладил волосы, губами опустил ниже, от подбородка к ключице, к груди.

– Ну и ладно! – засмеялась она. – Словно гиря с души упала. Пусти, мне нужно отлучиться...

Девушка поднялась и вышла из комнаты.

Андрей тоже поднялся, сладко потянулся, подошел к окну, выглянул наружу:

– Солнце над крышей. Похоже, институт сегодня в полете...

– Мы все проспали! – отозвалась Катя, входя в комнату. – День в разгаре... Ого, что это?!

Андрей повернулся к ней, и девушка увидела татуировку размером в половину его груди: вписанную в круг свастику, которую окаймляли языки пламени. По краю круга шли угловатые, словно ломанные, руны, напоминающие вавилонскую клинопись.

– Коловрат, знак солнца, – развел плечи молодой человек. – Знак огня и вечных перемен. Плюс защита от чар, невезения, порчи.

– Ты сделал себе татуировку свастики? – свистяще прошептала Катя. – Ты что, из этих? Которые таджиков и узбеков убивают?

– Я что, похож на идиота? – не понял парень. – Таджики и узбеки приезжают сюда строить, копать, мыть лестницы, подметать дворы. Работать, делать Русь сильнее и богаче. Если их убивать, изгонять полезные рабочие руки, здесь воцарится грязь и вонь. Какая польза от этого арийской расе? Убивать нужно тех, кто унижает русских, предает и позорит нас. Но это уж точно не узбекские дворники!

– Господи, почему я всего этого не заметила вчера? – пробормотала, в ужасе оглядываясь, Катя.

Если не считать обычного шкафа и постели, комната студента-медика напоминала шаманский схрон. Полки, пусть покрытые лаком, были грубо вытесаны из толстых досок и покрыты рунами. Сверху на них стояли книги, учебники и справочники – а снизу свисали украшенные перьями и когтями палочки, бубен с беличьими хвостами, какие-то бутылочки и берестяные тески. В углу стояли два посоха, над дверью висели ветки полыни, на стенах, прямо поверх обоев, шла цветная роспись в зверином стиле, кружилось на нитках еще несколько коловратов, и даже на потолке – и то красовалась свастика.

– Вчера я тоже, кроме твоих глаз, ничего вокруг не видел...

– Ты нацист и неоязычник... – сглотнула Катя. – Почему же мне так не везет? Почему мои парни всегда оказываются отморозками?!

– Подожди! – вскинул ладони молодой человек. – Я сейчас все объясню.

Наверное, попытайся Андрей ее схватить, Катя бросилась бы бежать. Но он, наоборот, отступил, глубоко вдохнул, распахнул окно, вытянул руку наружу. Через несколько мгновений на нее села синица и принялась деловито чистить перышки. Молодой человек широким плавным движением поднес птицу гостю:

– Ее можно потрогать...

Катя от увиденного чуточку ошалела и на миг расслабилась, провела симпатичной пичуге пальцем по голове:

– И к чему этот фокус?

Молодой человек щелкнул над синичкой пальцами – и внезапно на руке его распахнул крылья огромный остроклювый орел! Оттолкнулся, в несколько взмахов одолел расстояние до окна и вылетел наружу. По комнате закружились сдутые со своих мест листы бумаги, какой-то сор, коричневые перья.

– Ого!!! – отшатнулась к стене гостя. – Что это было?

– Прежде чем ответить, я должен тебе кое в чем признаться, – щелкнул пальцами молодой человек, и окно закрылось. – Я вовсе не фашист, не сектант, не отморозок и не неоязычник. Уж совершенно точно – не «нео». Я самый что ни на есть реальный.

– Реальный – кто? – не поняла девушка.

– Ты только не пугайся... но я колдун, – развел руками Андрей. – Так уж получилось. От меня это совершенно не зависело.

– Лучше колдун, чем нацик, – нервно хохотнула девушка. – Но еще лучше просто фокусник, чем колдун. Или ты сам во все это веришь?

– Фокусникам трудно заниматься врачеванием, – чуть скривился студент-медик. – А оно мне нравится больше, чем создание мороков или мелкие выигрыши на ипподромном тотализаторе.

– Ты делаешь ставки на ипподроме?!

– Стипендия маленькая, а жить на что-то надо, – повинулся Андрей. – Но я редко и по мелочи, чтобы не привлекать внимания.

– То есть ты снимаешь эту квартиру? – гостя ненароком выдала свои тайные мысли.

– Нет. Я ее купил... – полушепотом признался молодой человек. – Еще на первом курсе. На самом деле иметь некоторые колдовские способности – это не так уж плохо.

Андрей заговорщицки ей подмигнул.

– Похоже, что да... – заметно успокоилась гостя.

– И теперь, когда ты знаешь все, хочу спросить еще раз... Ты готова обменять свою судьбу на мое сердце? – Андрей протянул ей ладонь, на которой пульсировало самое настоящее, живое окровавленное сердце. Быстро сжал кулак, разжал – и на ладони оказался крупный алый бутон розы. – Последний шанс убежать...

Катя взяла бутон, понюхала. Стрельнула глазами по сторонам, вдохнула, выдохнула, покачала головой:

– Вчера я решила на самое настоящее безумие, Андрей... Ты даже не представляешь, каково это: вдруг взять и сломать свою судьбу из-за случайной встречи! У меня было такое чувство, что я сделала шаг в пропасть. – Девушка подняла лицо и посмотрела ему в глаза. – Из пропасти не возвращаются, колдун. Я решила, и теперь моя судьба принадлежит тебе. Что ты будешь делать с нею, чародей?

– Любить... – Андрей взял ее лик в ладони и стал целовать со вчерашней жадностью.

В этот раз их страсти хватило всего на пару часов, и к полудню молодые люди все же выбрались из постели, переместившись на кухню. Как были, так и переместились – обнаженными.

– Чего желает моя обожаемая королева в это время суток? – поинтересовался Андрей. – Только предупреждаю, что кроме кофе, сосисок и консервированных персиков в доме ничего нет.

– Ты же колдун! – Катя села на подоконник, привалившись спиной к косяку. – Хлопни в ладоши, и пусть появится!

– В смысле заказать доставку? Но тогда проще спуститься в кафе. В соседнем доме есть очень неплохое.

– Это профанация! – рассмеялась девушка.

– Это прогресс. – Чародей достал из кухонного стола большую консервную банку. – Иногда мне кажется, что высокое искусство магии убила служба доставки. Точно так же, как фотография уничтожила живопись, кино похоронило вертепы, а телефоны истребили почтовых голубей.

– Ничего, компьютеры отомстят им за всех, – улыбнулась Катя. – Андрей, а как ты стал чародеем? Разумеется, если это не затянувшаяся шутка...

– Нежить научила. – Молодой человек вывалил компот из банки в большую стеклянную чашу, заправил кофеварку. – Когда я был еще совсем маленьким, ко мне приходили забавные мохнатые существа, прилетали криксы, похожие на клыкастых младенцев с крылышками, со мною играли на улице белки и птицы, пытались говорить памятники и мертвецы, помогали с игрушками домовые. Было забавно, и родители смеялись, когда я этим хвастался. А после пяти лет каждое полнолуние стала появляться тень, которая учила меня заклинаниям, оберегам, управлению животными и людьми, наведению мороков, целительству. Услышав про нее, папочка и мамочка, вместо того чтобы похвалить, – Андрей налил в кофеварку воды, – отвели меня к психиатру. И там мне очень-очень не понравилось, еле отбился. С тех пор я вел себя так, чтобы к злому доктору больше не попадать. Потом, когда я показал кое-что с птичками и конфетами в школе, ребята стали требовать, чтобы я раскрыл секрет своих фокусов. Даже бить пытались... В общем, я быстро понял, что о своих возможностях лучше помалкивать. Скромность – второе счастье. Тебе покрепче?

– Да, – кивнула Катя. – То есть никто ни о чем даже не подозревает?

– Когда я закончил школу, то счел себя самым умным... – Андрей подставил чашки под две коричневые струйки. – В итоге добрые люди написали на меня в прокуратуру кляузу за незаконное предпринимательство, шарлатанство, мошенничество, гипноз, вымогательство и чего-то там еще. Правда, все больные, которых я вылечил, писать заявления отказались, и дело заглохло. Нет заявления потерпевших – нет состава преступления. Нет преступления – нет следствия. Но я в очередной раз понял, что скромность украшает. И что мне крайне нужен медицинский диплом. Это ведь полезно и для общего образования, и лечить можно будет без оглядки, кого только захочу и как захочу... – Колдун поставил чашки с напитком на стол, по сторонам от вазы, и указал ладонью: – Прошу! Теперь твоя очередь рассказывать, моя королева. Почему всех своих парней ты считаешь отморозками?

– На роду, наверное, написано, – пожала плечами Катя, забирая кофе и возвращаясь на подоконник. – В школе сдружилась с Германом, парнем – мечтой всех подружек. Он постоянно устраивал розыгрыши, не мог пройти мимо таблички «Вход воспрещен» и не влезть, где-то что-то приворовывал, где-то отнимал, но с шутками и прибаутками. Тогда мне казалось, что это очень круто, что так и нужно жить. А потом он убился, пытаясь сделать селфи на карнизе высотки. Мне повезло, что с ним в тот раз впервые была не я...

Андрей протянул ей чашку. Девушка отрезала ложкой кусочек персика, отправила в рот:

– Спасибо! Вот... После школы познакомилась с отличным мужиком. Солидный, обеспеченный, ласковый. Как он умел ухаживать!!! Но однажды не пришел на свидание, перестал отвечать на звонки. Оказалось, посадили. Перебивал номера на угнанных авто. Я побилась головой о стену, поругалась с мамой и для успокоения отправилась с подружкой Ольгой на

мотоциклетный фестиваль. В тот же день познакомилась там с отличным парнем. Уверенным в себе, веселым, не жадным. И главное, я ему страшно, до дрожи, нравилась. Прямо души не чаял. И все было хорошо, пока однажды не случилась размолвка и я не попыталась хлопнуть дверью. Тут Вадим вдруг достал пистолет и пообещал меня пристрелить, если я его брошу. Оказалось, что он бандит, самый настоящий. Какой-то рынок они там «держат», и все такое. Ты представляешь, как я испугалась, увидев эту свастику у тебя на груди? Мало мне было уголовников, так теперь еще и наци!

– И ты согласилась выйти замуж за бандита?

– Ты плохо слышал, Андрей? – Катя шумно втянула ноздрями воздух. – Если бы я отказалась, он бы меня убил! Мне что, нужно было бежать из дома, менять внешность, прятаться? Я немного поплакала, а потом подумала, что относится он ко мне неплохо, деньги у него есть. Скоро его грохнут или посадят, и все достанется мне. Вот и согласилась.

– Офигеть, какая прагматичность! – рассмеялся молодой человек. – Не ожидал.

– Дурак ты, Андрей, – вздохнула девушка. – Знаешь, какая мечта была у меня в детстве? Думаешь, о любви и принце? Нет. Я мечтала разбогатеть. Так сильно, чтобы можно было кушать каждый день все, чего захочу и сколько захочу. Отец бросил нас, я еще маленькая была, даже алиментов никогда не видели. Мама – учительница в младших классах. Так что кофе с персиками на завтрак не кушали. Я не хочу возвращаться к той жизни. И детям своим ничего подобного не пожелаю. И к черту любовь!

– Любовь не спрашивает, мечтаешь ты о ней или нет...

– Спасибо, я в курсе. – Девушка доела персик. – Когда у меня все уже наладилось и я стала уверена в своем будущем, в меня вдруг врезался на тропинке тощий студент-недоучка, о котором я не знала ничего, кроме имени, и я в тот же день сбежала с ним из дома. Вот скажи мне, Андрей, что это было? Любовь, или я просто умом тронулась? Как можно отличить одно от другого? Ты же медик, должен разбираться!

– Чтобы ответить на подобный вопрос, мне нужно провести полный врачебный осмотр, – ответил молодой человек и отставил чашку. – Кашля, хрипов, высыпаний нет?

Свой осмотр он почему-то начал с коленок, причем проверял их губами, с каждым поцелуем поднимаясь все выше и выше – пока девушка не застонала, прикусив губу. Ее дыхание участилось, пальцы вцепились в волосы Андрея, и она забыла про все на свете, кроме омута сладострастия, в котором топила обезумевшую Катерину его ласка.

Влюбленные утомились от сладкой борьбы, лишь когда за окном начало смеркаться.

– Персики, доставка пиццы или ресторан? – лаконично спросил молодой человек.

– Персики, – раскинувшись на постели, лениво ответила Катя. – Ты, персики и прохладный душ – вот все, чего только я желаю от этой жизни. Ты можешь остановить это мгновение навсегда, колдун?

– Лучше я сделаю его только началом, – пообещал Андрей. – Каждый день, когда ты будешь просыпаться в моих объятиях, ты пожелаешь сохранить навсегда именно это новое мгновение.

– Так не бывает, колдун... – простонала многоопытная девушка.

– Во всяком случае, я постараюсь, – немного ослабил уровень своих обещаний Андрей.

– Когда-нибудь... – начала было отвечать Катя, но тут из охапки ее одежд, лежащих у стены, послышалась мелодичная мелодия. Девушка перекатилась на край кровати, дотянулась, выудила смартфон, посмотрела на экран и совершенно блаженным голосом произнесла: – Ах да, я совсем забыла, меня же скоро убьют...

Она провела пальцем по стеклу, поднесла телефон к уху:

– Привет, Вадим! Я встретила другого человека, влюбилась и уже целые сутки изменяю тебе с ним. Так что замуж за тебя я не выйду. Пока! – Она выключила телефон и кинула его в стену. Села в постели: – Андрей, подойди, пожалуйста, ближе, я хочу тебе кое-что сказать.

Андрей, я люблю тебя! Я люблю тебя больше жизни, я люблю тебя так, что согласилась умереть ради проведенной с тобой ночи. И мне почему-то совсем не жалко и не страшно. Хотя бы поцелуй меня, Андрей, на прощание! Наверное, безумие и любовь – это одно и то же. Неизлечимая смертельная болезнь...

Молодой человек вернулся к девушке, крепко поцеловал ее алые губы, потом покрыл поцелуями лицо, шею, стал спускаться губами по телу, постепенно изгоняя из сознания Кати дурные мысли, разжигая огонь страсти, наслаждения, желания, превращая его в неистовый вулкан чувств, взрыв которого окончательно опустошил силы девушки, и она провалилась в глубокий безмятежный сон.

Андрей еще долго лежал рядом, опершись на локоть, и любовался обнаженным телом. Из созерцания его вывел шорох в углу. Молодой человек вздохнул, вытянул руку, провел ладонью над головой девушки, поднялся, негромко сказал:

– Мертвой воды принеси... – И, распахнув окно, вскинул руки ладонями вверх.

Спустя несколько минут разошлись невидимые облака, комнату озарил холодно-желтый свет яркого полумесяца. Молодой чародей подставил ему лицо, словно под струи воды, pokrutil головой, вдруг резко повернулся, снял с полки тонкую восковую свечу, зажигалку, запалил фитилек. Оставил на подоконнике разгораться, открыл стоящую там же шкатулку, достал медальончик с янтарной вставкой, дунул, подержал в кулаке, положил девушке вниз живота; пробежался пальцами по свисающим тугескам, раскрыл два из них, измельчил пальцами лежащие там гранулы, вскинул над девушкой, подхватил свечу, начертал над нею в воздухе размашистые руны, пробормотал:

– Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные призываю...

Пятиконечная руна с соединенным основанием слабо засветилась, словно развеянный порошок загорелся в воздухе. Колдун вернул свечу на подоконник, взял с полки короткий нож, срезал с головы девушки несколько волос, несколько с себя, быстрым движением скрутил их в простенький узелок.

– ... при вас, по воле доброй, связываю плоть свою с плотью девы сей во единое целое, и быть сему единым, покуда узел сей не будет развязан... – Андрей поднес прядь к огню свечи. Волосы затрещали, скручиваясь и обращаясь в легкий дымок. Колдун подул на него, отправляя за окно: – Лети, облако, через овраги глубокие, через леса густые, через горы высокие, через море-окиян на остров Буян. Опали, облако, на бел-горюч Алатырь-камень. Пусть помнит всегда вечный Алатырь-камень, что не найти никому узла сего ни в воде, ни в земле, ни на небе, что не развязать его более ни смертному, ни бесплотному, ни живому, ни всякой нежити отныне и во веки веков!

Чародей еще раз дунул, выгоняя дымок наружу, оставшийся прах осторожно высыпал в медальон, капнул на него со свечи чуток воска и тут же сжал пальцами огонь, гася трескучее пламя.

Послышался шорох, мелькнула неясная тень. На подоконнике появилась деревянная площадка размером с ладонь, внутри покачивалась вода. Колдун опустил в нее щепоть, быстро и уверенно начертал влагой вокруг медальона несколько вписанных одна в другую рун: кружок вокруг украшения, ломаную линию вокруг кружка, несколько знаков справа и слева, выше и ниже. Сходил в прихожую, снял со стены зеркало, поставил его на подоконник так, чтобы лунный свет большим желтым овалом падал на янтарное украшение.

– Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные призываю, – повторил он начало заклинания, – быть единой плотью мне с девой сей отныне и до часа последнего, и да будет ее беда бедой моею, ее радость моею радостью, ее боль моею болью, ее счастье моим счастьем. Пред тобой, хозяйка ночи, клянусь, что не оставлю ее ни в беде, ни в болезни, ни в горести, и призываю тебя сей клятве в поручители. И да станет час нарушения сей клятвы моим последним часом! – Андрей взял с подоконника площадку с мертвой водой. – Земли отчие, воды

текучие, прах родовой, небеса вечные, владычица ночная... Примите сию клятву и отдайте мне плоть девы сей. Да буду един я с ней, как един с дыханием, душой и помыслом своим. Отныне и навеки!

Колдун склонил голову, а затем решительно осушил чашу.

Лунный свет задрожал, и светящаяся над девушкой руна медленно опустилась на обнаженное тело.

* * *

Разбудил Катю аромат кофе. Девушка приоткрыла глаз, повела носом, потом посмотрела на молодого человека.

– Похоже, хотя бы ты реален, – зевнув, пробормотала она. – Никак не могу понять, что было сном, а что происходит наяву?

– Все. – Андрей поставил чашку в изголовье, разжал правый кулак. Из него вывалился и закачался на коричневой суровой нити небольшой кулон: желтый камушек в серебряной оправе, похожей на раскрывшую крылья бабочку. – Вот, возьми. Это амулет любви. Там чуток моей крови, мой волос и еще кое-что. Заговорен в полночь на твоём лоне. Если с тобой что-нибудь случится, я сразу почувствую. Но на цепочке носить нельзя, почему-то не работает, так что на эту нить не пеняй. Надень.

– Кажется, я пропустила что-то интересное?

– Ничего особенного, – поцеловал ее молодой человек. – Демоны были как демоны, феи как феи, лешие как лешие. Все как всегда.

– Кто-о?! – округлились глаза девушки.

– Да шучу, шучу, – поднялся молодой чародей. – Обычный заговор. Я поклялся Луне, что отныне моя плоть и кровь – твоя плоть и кровь, и владычица ночи соединила нас воедино. Твоя боль отныне – моя боль, твой страх – мой страх, моя квартира – твоя квартира. Ну, и так далее. Вот ключи, у меня запасной комплект уже три года валяется. Чашку молока и городскую булку на кухне у холодильника не трогать, это для маленьких помощников. Залетающих птиц не гонять, с волками здороваться, ястребам когти не стричь. В общем, все как положено.

Катя засмеялась, поднялась:

– Наверное, мне никогда не понять, что ты говоришь всерьез, а что в шутку.

– Шутки шутками, но гости у меня бывают разные, – предупредил Андрей. – Бояться их не нужно, но и пугать тоже. Мне пора на лекции. А ты, если тебя что-то тревожит, можешь остаться здесь. В столе сколько угодно персиков, я как-то по жадности целый ящик купил, пароль вай-фая записан на роутере. Захочешь заказать еду с доставкой, деньги у крокодила в пасти. Он тоже заговоренный, но твои пальцы откусить не должен. Ты же теперь моя плоть и кровь, обязан принять за меня.

– Ты знаешь, я, пожалуй, проверять не стану, – мотнула головой девушка. – И тоже пойду на лекции. Добровольно отбывать пожизненное, пусть даже в твоей постели, не собираюсь. Разберусь как-нибудь с Вадиком, трястись от страха не стану. Через эту проблему нужно перешагнуть, разрубить узел раз и навсегда. А то всю жизнь придется прятаться.

– Все будет хорошо. – Андрей надел ей на шею медальон. – Тогда давай истребим наличные сосиски и разойдемся по институтам.

* * *

Опасения Катерины воплотились в реальность после второй пары, когда в просторном и прохладном коридоре института ее вдруг резко схватил под локоть крепкий, коротко стриженный парень в кожаной куртке:

– Ну-ка пойдем!

– Пусти, Вадим! – громко крикнула Катя. – Я же сказала, все кончено!

– Бегом пошла, шлюха! – рванул ее сильнее парень. – Я тебе покажу, чем поблядушки для вас, сук, кончаются! Хочешь трахаться со всеми, так будут тебе все! У тебя теперь вся жизнь одним субботником будет, пока не сдохнешь.

– Девушка же сказала, что не хочет нику...

Вадим не дослушал однокурсника, попытавшегося вступить за несчастную, – отпустив Катю, бандит резко и неожиданно ударил его в живот и сразу снизу вверх в челюсть. Студент отлетел на несколько шагов и рухнул на спину, а бритый парень поймал за волосы попытавшуюся убежать жертву:

– Ку-уда, сучка?! У тебя сегодня особый день! Шлюхин праздник. Пошла, сказано!

– Полиция уже едет! – показал смартфон еще один студент, заступая им дорогу. – Я все заснял!

– Ну и подрочи на свое видео! – посоветовал бритый. – Сам уйдешь, или зубы пересчитывать?

Студент отступил, и Вадим отправил несостоявшуюся жену пинком вдоль коридора:

– Пошевеливайся, шлюха!

– Помогите, кто-нибудь! – взмолилась Катя.

– Они в фейсбуке лайки за тебя соберут, – презрительно хмыкнул Вадим, намотал ее волосы на руку, вынудил подняться. – Шевели лапками, сучка! Побежали, побежали!

Он уже вывел девушку на крыльцо, когда кто-то мимоходом приподнял Вадиму локоть – и в тот же миг бандит согнулся от острой боли в боку.

– Это была методичка по барбитуратам, – пояснил, склонив голову набок, высокий темноволосый и худощавый паренек. – Очень тяжелая вещь. Особенно в смысле зачета. На всякий случай предупреждаю, что я по образованию хирург, и резать людей для меня никакой моральной сложности не составляет. А еще я хорошо знаю анатомию и могу убить тебя даже скомканным листом бумаги. Так что...

– Тварь! – Вадим взял себя в руки и резко ударил врага сразу из полусогнутого положения. Но кулак врезался в книгу, а паренек исчез. И уже в следующий миг бандит ощутил у себя в ноздре что-то твердое.

– Не дергайся, а то колпачок в мозг войдет, – посоветовал студент-медик. – Теперь выбирай. Или мы заканчиваем беседу в отделении, за просмотром видео с твоими здешними похождениями, или я вынимаю ручку и ты тихо-спокойно уходишь. Какой вариант нравится больше?

– Ухожу... – прохрипел Вадим, поняв, что пугающе спокойный хлюпик не шутит.

– Молодец, быстро схватываешь...

Стержень из носа исчез.

Вадим сбежал вниз на несколько ступеней, оглянулся:

– Еще увидимся, – и стал быстро пробираться через толпу собравшихся зевак.

– Андрей! – Катя кинулась к молодому человеку, крепко его обняла. Но все же буркнула: – Зря ты его отпустил. Лучше бы сдал в полицию.

– Ты забываешь, – поцеловал ее глаза чародей, – что я нацист, неоязычник, убежденный ариец, русский активист и все такое с полусотней приводов. Если бы мы с твоим бандитом попали в ментовку, то не факт, что посадили бы его, а не меня. С точки зрения прокуратуры он по сравнению со мной просто голубь мира.

– Ты же говорил, что не нацист! – чуть отшатнулась Катя.

– А менты не верят, – пожал плечами Андрей. – Вернешься на лекции или забьешь на учебу и пойдем обедать?

– Не знаю... – заколебалась девушка. – Вдруг Вадим вернется?

– Тогда я тоже вернусь... – Молодой человек положил ладонь ей на грудь и слегка нажал пальцами на невидимый под топином кулон. – Пока амулет на тебе, я чувствую все, что с тобой происходит.

– Да? – Катя подняла руку, накрыла его ладонь своею. – Амулет? А он точно действует?

– Я же здесь, – улыбнулся Андрей. – Неужели не заметила? Пока амулет рядом с тобой, то считай, что я тоже рядом.

– Здорово... – Девушка наконец-то улыбнулась. – А если я тебе изменю, ты тоже ощутишь?

– Разумеется.

– Какая опасная вещь! – проникновенно произнесла Катя. – Я хочу себе такой же.

– У тебя ведь уже есть, – удивленно вскинул брови колдун.

– Не-е-ет, – покачала пальцем девушка. – Я хочу амулет верности, который будешь носить ты! Если я тебе отныне буду верна, то и тебе придется. Баш на баш.

– Амулет любви, – поправил молодой человек. – «И станут двое, как один человек». Что-то вроде колдовского оберега. Клятва мужчины в том, что он станет оберегать избранную...

– Не уходи от ответа. – Катя положила палец ему на губы. – Сделаешь?

– Тебе придется самой темной полночью принести самую черную клятву, – зловеще проговорил Андрей, – что отныне ты будешь плоть от плоти моей, кровь от крови, станешь частью меня в делах и помыслах. Причем развод этой клятвой не предусматривается.

– Я скажу больше, – так же мрачно сообщила девушка. – Ради этого я даже прогуляю последние пары. Веди меня, куда пожелаешь, мой герой!

– Тогда поехали. А то мне машину пришлось под знаком бросить. Как бы эвакуатор не утащил.

Через четверть часа Андрей остановил автомобиль возле красно-белого супермаркета, обогнул его справа и толкнул дверь в небольшую каморку под надписью «Ремонт ювелирных изделий».

– Привет повелителям золота! – поприветствовал он светло-русого мужчину лет тридцати, курчавого и с большими залысинами. Одет тот был в спецовку и густо пах моторным маслом.

– Привет волхвам! – кивнул мужчина, взял с прилавка очки и нацепил на усыпанный черными крапинами нос. – Какими судьбами в наших краях?

– Все как всегда, Михалыч. У людей томление душ. Нужны амулеты любви.

– Себе или клиентам?

– Тебе-то какая разница?

– Да так, интересно... – Мастер настолько пристально всмотрелся в девушку, что Катя невольно прикрыла грудь ладонью. Михалыч довольно ухмыльнулся, и девушка поняла, что выдала своего спутника.

– А почему волхв, а не колдун?! – с вызовом спросила она.

– Богам требы приносит, болезни целит, мудрости учит, чудеса творит. Значит, волхв. А колдун он притом, али физик-релятивист, или леший, лесной, то нам без разницы, – невозмутимо пожал плечами мастер. – Особые пожелания будут?

– Бабочки, – кратко ответил Андрей. – Янтарь можно черный.

– У меня, кстати, с насекомыми есть, – приободрился мужчина. – Пауки, комары, жуки, кузнечики. Недорого отдам. Клиентам понравится.

– Михалыч, – укоризненно покачал головой молодой человек. – Мне нужен настоящий, натуральный янтарь. На нитролак заговоры не ложатся.

– Так бы сразу и сказал, что себе, – невозмутимо парировал мастер. – Три дня нормально?

– Нормально.

– Тогда в понедельник вечером заходи.

– До свидания, – кивнула девушка Михалычу и ухватила за локоть выходящего из мастерской Андрея. – Чем дальше, тем интереснее! Так ты еще и волхв?

– Ничего особенного, – пожал студент-медик плечами. – Есть много людей, которые чтут прошлое, уважают своих предков и богов. В дни великих языческих праздников мы собираемся вместе на природе, пируем, веселимся, возносим требы, проводим ритуалы. Поскольку толковые богослужения выходят только у меня, то место волхва за мной и закрепилось. Опять же травмы, болячки, отравления и прочие всяческие свадьбы, это тоже ко мне. Тут на втором этаже хорошее кафе. Перекусим?

– Ну, хоть раз в два дня не помешает, – согласилась Катя.

Вскоре они сидели за столиком, дожидаясь бизнес-ланча, и девушка опять проявила любопытство:

– А свастика на груди тебе тоже как волхву полагается?

– Свастику я еще в старших классах сделал, когда первые деньги появились, – признался Андрей.

– Зачем?

– Да потому что достали! – передернул плечами молодой человек. – Почему, стоит заговорить о своей земле, о своем народе, все сразу начинают кричать: «Нацист! Расист! Ку-клукс-клан! Ату его, ату!»? Почему я должен молчать о своих предках? Почему должен стыдиться того, что я настоящий ариец?! Почему мне должно быть стыдно, что именно мои предки построили священный Аркаим и открыли железо, что мои предки создали Трипольскую цивилизацию и возвели Змиевы валы, что наш народ всегда и неизменно бил и вонючих дикарей из Западной Европы, и разгульную степную вольницу? Что в этом дикого и постыдного? Почему я должен затыкаться и каяться за победы и величие своего народа?! Да, я ариец! И я горжусь этим!

– Андрей, тише. На нас оглядываются, – попросила девушка.

– Да молчу, молчу. – Чародей откинулся на спинку стула, но уже через несколько секунд качнулся вперед: – Вот ты говоришь, узбеков и таджиков убивают. А разве это они учат нас стыдиться самих себя, собственного народа, собственного прошлого? Вот смотри. Сейчас к нам гастарбайтеры из Азии приезжают, на стройках шестерят, это что означает? Что мы лохи ничтожные или все же развитая страна? Пятьсот лет назад к нам точно так же из Европы гастарбайтеры тысячами перлились. Как это в учебниках описывается? «Недоразвитые русские, не способные ничего сделать сами, приглашают специалистов из передового Запада». Когда мы полтора века назад Европу кровью умыли и запретили ей появляться в Черном море, это как называется? Ага, «поражение в Крымской войне»! А когда Швецию и Польшу раздолбали? Это уже «поражение в Ливонской войне». Ты можешь мне сказать, почему в нашей школьной программе нет ни единого научного, археологического, летописного, исторического факта, а излагаются только побасенки немецких проходимцев двухвековой давности?! Почему нет ничего про святилище в Аркаиме возрастом в пять тысяч лет, про трехтысячелетние доменные печи окрест Русы, онежские камни с древними рунами, русские солярные диски в Костенках и Сунгири...

К столику подбежал официант, принялся расставлять тарелки и негромко сказал:

– Вы можете быть десять раз правы, юноша, но вас уже попытались снять на видео. Приятного аппетита.

– Кажется, я догадываюсь, как ты заработал свои пятьдесят приводов в полицию, Андрей, – вздохнула Катя, берясь за ложку.

– Естественно, – передернул плечами студент-медик. – Я же не бандит и не фриг, который с криком «Хайль!» кидается на дворников. Я опасен. Я знаю, что русских истребляют те, кто засирает ра-зум детям, кто учит подростков стыдиться арийского происхождения, русских богов, своих побед и достижений. Они не тело, они душу человеческую школьникам гноят.

Ненавижу! – Андрей скрипнул зубами и сжал кулаки. – Я бы все наше министерство образования поубивал через одного! Дураков в Сибирь, снег убирать. А умных на виселицу бы отправил. Потому что уж они-то сознательно гадят, сознательно стараются выслужиться перед западными педиками!

– Милый, ты меня пугаешь, – совсем уже шепотом произнесла Катя.

Волхв из медицинского института сделал глубокий вдох, выдох и почти спокойно произнес:

– Не бойся, я не собираюсь бежать к роно и забрасывать его гранатами. Я отлично понимаю, что там сидят пешки, которые выполняют то, что приказано. Гомосечная мафия окопалась на самом верху. Но до нее так просто не добраться. Прячутся, что крысы, даже порчу на них не навести. Ни следа за ними, ни плоти не подобрать, ни подклада не подкинуть.

Девушка в задумчивости положила ложку.

– Прости, я больше не буду, – понял ее мысли Андрей. – Да, это твоя карма, ты опять связалась с отморожком. Но зато я уже почти вылечился. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но Михалыч как-то сказал, что полностью на моей стороне, и предложил составить план вооруженной борьбы...

– И? – приободрила замолчавшего студента Катя.

– Я спекся на втором абзаце, – признался Андрей. – Не знаю, что и как делать? Не начинать же гражданскую войну с нынешними русскими за русское величие! Если уж и бороться за величие арийской расы, нужно придумывать другие методы.

– А что было в первом абзаце твоего плана?

– Заглавие.

Катя фыркнула и с усмешкой взялась за ложку.

Это маленькое происшествие научило девушку больше не задавать вопросы про свастики и язычество – а сам Андрей про арийцев и школы разговоров не заводил. Похоже – повзрослел, и прежний детский максимализм остался в прошлом. Студента четвертого курса девушки стали интересовать больше, чем арийское происхождение, – и Катя была чертовски рада, что именно она оказалась главной героиней этой перемены. Колдун из медвуза любил ее с той же страстью, с какой желал уничтожить министерство образования.

* * *

Три дня промелькнули незаметно.

Это был именно он – тот самый медовый месяц, когда не хочется ничего более, только обнимать любимого, целовать, ласкать и получать ответные ласки, тонуть в океане сладострастия, выныривать, немного переводить дух – и снова кидаться в бездну нежности. В первый день они питались только персиками из старых запасов, на второй – дважды заказывали пиццу и только на третий – вышли в магазин за новыми запасами провизии. Да и то лишь потому, что вечером все равно нужно было ехать к ювелиру.

Висящий на груди «амулет любви» обжигал Катину душу – ей невероятно хотелось повесить точно такой же на шею Андрея. Она нутром чувствовала – после этого он точно станет принадлежать ей одной. Безусловно и навсегда. Больше всего на свете она сейчас боялась, что внезапно обретенная сказка кончится, оборвется, что она проснется дома, в своей постели, и все происходящее окажется всего лишь сладким сном. Амулет обещал привязать к ней любимого крепко-накрепко и наконец-то избавить от страха потери.

Перед ювелирной мастерской неожиданно обнаружилось изрядное скопление людей. Человек двадцать, не меньше. Причем среди мужчин многие оказались не по моде бородаты и длинноволосы, да еще в рубахах грубой ткани, а женщины – с косами, гребнями в волосах и в свободных платьях. Иные и вовсе в легких и цветастых «цыганских» юбках.

– Смотрите, кто пришел! – обрадовались они при виде Андрея, всей толпой качнулись к нему. – Ты-то здесь откуда?!

– Привет, Соболев! – обнял молодой человек одного и тут же раскрыл объятия другому: – Привет, Кузнец! Привет, Леший! Рад тебя видеть, Мирослава!

Катя отпустила руку спутника, отстала на шаг, но одна из девушек неожиданно ее обняла:

– Рада видеть тебя, милая! Хорошо, что ты приехала!

Незнакомка отступила, и ее место тут же заняла другая.

– Ты умница, что с нами! – обняла ее огненно-рыжая женщина лет тридцати. – А ты красавица! Прямо хоть на роспись.

– Привет, милая! – поцеловала ее в щеку еще одна девица.

В первый миг Катя растерялась, но потом поймала себя на том, что такое отношение ей приятно. И даже очень. Она стала отвечать на объятия и поцелуи и здороваться с этими людьми, словно с давними знакомыми.

– А мы тут решили собраться всем своим родом, посидеть, поболтать, повеселиться, – сказал бородатый мужчина с обильными кудрями соломенного цвета, перехваченными у лба веревочкой. – Столик в кафешке заказали. Вот Михалыча ждем. Он сказывал, последний клиент вот-вот появится, и он свободен. А тебя как сюда занесло, волхв?

– Совершенно случайно... – ухмыльнулся молодой колдун. – Вы совершенно случайно собрались именно здесь и именно сейчас? И не кинули мне даже простой эсэмэски?

– Не издевайся над волхвом, Соболев, – посоветовала женщина в длинном синем платье, опоясанная то ли золотой, то ли позолоченной цепочкой, глядя на Катю и удерживая девушку за руки. – Когда прошел слух, что наш суровый аскет и отшельник вдруг появился у Михалыча с юной чаровницей, да еще и амулеты любви заказал, трудно было удержаться и не посмотреть на его избранницу. И она хороша! – Женщина повернула голову к Андрею: – Ты собрался зажить обряд?

– Михалыч стукач! – душевно выдохнул колдун.

Все дружно расхохотались.

– Раз уж ты проявил скромность, волхв, – похлопал его по плечу Соболев, – мы решили скинуться и устроить пирушку сами.

– Я просто хотел сделать амулет, – попытался оправдаться Андрей, однако вызвал только новый взрыв смеха.

– А обмен амулетами как это в мире русском называется? – хлопнул его по спине Кузнец.

– Мы бы провозгласили семью на первых же требах!

– Тебе никто не запрещает, волхв. Но ведь амулеты ты получаешь сегодня. Значит, помолвка была? Что скажешь, красавица? Сговорились?

Катя уже успела проникнуться веселой дружелюбной атмосферой и потому просто вытянула за шнурочек свой кулон.

– Ур-ра!!! Качать молодых! – восторжничали нео-язычники. – Качать!!! И несите их за стол!

Катя взмыла в воздух и зажмурилась от радости и внезапной невесомости.

Семь раз вспорхнув ввысь, она проплыла на руках в дверь, потом наверх и опустилась во главе накрытого стола.

– Чего теперь ждать? – тихо спросила она. – Будут кричать «Горько» и заставлять пить водку из тувельки?

– Даже не надейся, все будет намного хуже, – так же шепотом ответил Андрей. – По языческому обычаю нас уложат на снопах, поставят вокруг парусиновый полог, а сами станут пировать в паре шагов, громко давать советы и считать стоны... Но не сегодня. Постели на Медовый Спас выложат, когда в луга праздновать поедом. Сегодня просто что-то вроде помолвки.

– Если ты собрался меня напугать, – Катя нащупала его ладонь и крепко сжала, – то стараешься зря. Я никуда не сбегу.

– Я люблю тебя, – ответил колдун. – И сделаю все, чтобы ты никогда в жизни не пожалела об этих словах.

Банкет затянулся почти до полуночи, позволив Кате познакомиться почти с половиной «рода русичей», чтящих древние арийские традиции. И мелькающие то и дело серьги со свастиками, рунические трезубцы, вышивки с призывами к величию нации, тосты за возрождение великого Аркаима постепенно перестали вызывать у нее отторжение. Ну, увлекаются друзья стариной, ну и что? В тех же мото клубах или кружках макраме происходит все то же самое: своя символика, своя одежда, свои разговоры, до которых обычным людям нет никакого дела. В конце концов солярный круг не виноват, что западноевропейские подонки так мерзко подпортили его репутацию...

* * *

– Яблочный спас, медовый спас, хлебный спас, грушевый спас... – загибала пальцы Катя, когда, наконец-то расставшись на остановке с друзьями-родичами, они с Андреем возвращались через парк. – Разве это не православные праздники?

– Ты еще капустаники забыла, – ответил ее личный волхв. – При чем тут христианство? Люди собирали урожай тех или иных культур и по этому поводу устраивали веселье. И начхать им на псалтырские расписания. Запретить это, понятно, не получилось. «Не можешь запретить – возглавь».

– Капустники – это ведь что-то театральное, нет? – не поняла девушка.

– Капустники – это когда земледельцы собирались целыми деревнями в каком-нибудь просторном доме и рубили капусту для засолки, – объяснил Андрей. – При этом, понятно, травили анекдоты, рассказывали побасенки, пели, шутили, веселились. Ну, чтобы не скучно работать было. Потом капуста кончилась, а хохмачеством стали заниматься в театрах. Вот так и живем: половину арийской культуры попы украли, другую половину – лицедеи. А что осталось, то прокуратура...

– Эй, хирург, чего не здороваешься?! – прервал его рассказ громкий оклик.

Со скамьи, скрывающейся в полумраке под разбитым фонарем, поднялись две крупные фигуры. Один любопытствующий встал поперек дорожки, второй скользнул молодым людям за спину, отрезая путь к бегству.

– Вот и свиделись, умник. – Вадим предусмотрительно остановился на небольшом отдалении и поднял пистолет. – Ну, давай, хирург, расскажи, куда тебе пулю лучше вогнать, между ног или в лобешник? Ты какой из голов чаще думаешь?

Его приятель, стоящий позади Андрея, радостно заржал.

– Ох, ребята, неудачное вы место выбрали для своих шуток, – покачал головой студент-медик. – Неудачное место и неудачное время.

– Ты думаешь, я шучу, урод?! – Бандит сделал шаг вперед.

– Ты же тупой баран, ты не способен на шутки, – скривился Андрей. – Безмозглое кастрированное животное, которому все бабы изменяют при первой возможности. Ты с двух шагов слону в задницу не попадешь, импотент, пистолетиком тут вздумал разма...

В ночной тиши оглушительно грохнули сразу три выстрела. Андрей взмахнул руками, опрокидываясь на спину, мелко вздрогнул и затих. Катя завизжала, упала рядом на колени, попыталась обнять погибшего... И ее руки скользнули через пустоту.

– Ну и кто здесь импотент? – не заметив этого в полумраке, Вадим подошел ближе, опять поднял пистолет...

– Жалкий криворукый кастрат, с двух шагов слону в задницу не...

Бандит обернулся на голос, ругнулся, вскинул оружие. Опять грохнули выстрелы, опять рухнул на траву убитый студент, и...

– Импотент тупоголовый, украшенная рогами обезьяна...

– Что здесь... – Вадим опять выстрелил, опять свалил врага и опять увидел его чуть в стороне, – ...блин, происходит!

– От тебя всех женщин тошнит, пидор лагерный, вот и разбегаются!

– Да сдохни же!!! – Бандит снова вскинул оружие.

– Не-е-ет!!! – закричал его приятель, но если Вадим и услышал напарника, то не понял или не успел остановиться. Грохнули два выстрела, сухо шелкнул курок, предупреждая об опустевшей обойме. Пули пролетели сквозь глумливо смеющегося студента и ударили второго бандита в грудь.

Слева от Вадима мелькнула тень и хлестко ударила под горло ребром ладони. Послышался булькающий звук, и бандит рухнул, захрипел, неуклюже копошась, словно пытался встать, но каждый раз терял равновесие. Андрей пнул его по кулаку носком ботинка, отбив пистолет в сторону, потом присел рядом и стал шарить по карманам, разбрасывая содержимое.

– Ты чего делаешь? – сглотив, спросила девушка.

– Обеспечиваю наших доблестных следаков уликами, – объяснил колдун. – Надеюсь, они уже едут выяснять, кто стрелял... Даже если Вадик успеет оклематься до их прибытия, в темноте он ничего не найдет. А в полиции люди кропотливые, и документы соберут, и пистолет с гильзами... Все, теперь пошли, пока самих не повязали.

Андрей схватил девушку за руку и потянул за собой.

Едва за ними захлопнулась дверь дома, Катя с хохотом прыгнула на молодого человека, покрывая его лицо поцелуями и выдыхая в промежутках:

– Ты крут!.. Ты потрясающ!.. Ты непобедим!.. Люблю!.. Люблю тебя!.. И хочу!

Колдун прошел с нею на руках в комнату, уронил на постель – и все пережитые эмоции полыхнули новым взрывом страсти и жадной близости.

Только глубокой ночью, наконец-то устав, Катя вытянулась рядом с любимым и восхищенно выдохнула:

– Андрей, а ведь ты настоящий колдун!

– Разве ты сомневалась? – удивился молодой человек.

– Ты меня не понял, – вскинула она руки к потолку. – Ты самый настоящий могучий маг! Из той категории, про которых сказки всякие снимают. В смысле, не из тех, что в лесу в берлогах сидят, а которые дворцы хрустальные на скалах строят и армии вражеские щелчком пальца сдувают. Такие, как ты, должны править миром! Или хотя бы странами! Быть на вершине власти, повелевать, диктовать свою волю!

– Для того чтобы стать диктатором, не нужно тратить восемь лет на медицинское образование, любимая моя, – покачал головой Андрей. – Будет обидно отправить псу под хвост почти треть жизни.

– Ты шутишь, да? – Катя положила голову ему на грудь. – Но ведь ты сам говорил, что хочешь изменить науку и образование, вернуть величие арийскому имени, восстановить Аркаим, открыть людям глаза на правду, выкорчевать из школы всю ее гнилую гомосеянину... Ты ведь можешь это сделать, нужно только захотеть!

– Если я стану этим заниматься, когда я буду лечить людей? – зевнул молодой чародей.

– У тебя есть друзья, у тебя есть я! – напомнила девушка. – Сделай меня министром образования, и я изменю всю школьную систему именно так, как тебе нужно!

Андрей промолчал, ехидно ухмыльнувшись.

Катя скатилась в сторону, ударила его ладонью по груди:

– Ну что ты хихикаешь?! Да, я хочу стать министром! Даже президентом! Это что, плохо?

– И владычицей морскою, – добавил колдун.

Девушка села в постели, подобрав под себя ноги, тихо зарычала. Не злобно, шутливо. Потом сказала:

– Я хочу, чтобы ты понял меня правильно, Андрей. Я люблю тебя. Я готова оставаться с тобой в горе и нищете, в бедах и болезнях. Я готова умереть, лишь бы никогда с тобой не расставаться! Но если есть шанс стать королевой... Зачем его отвергать?! Не расставаться с тобой, став богатой и знаменитой, тоже неплохо!

– Как бы тебе объяснить... – прикусил губу Андрей. – Понимаешь, заморочить десяток-другой людей: обхитрить ректорат, отвести взгляд гаишнику, поменять облик перед следователем, создать призрак для бандита – это одно. А бороться с государством – это уже совсем другое. Государство суть механизм, система. Тысячи людей, перекрестные связи, инструкции, утвержденные правила. Государство является агрегатом, в котором мало что зависит от одиночки. Даже если ты убежденный предатель или вор, попавший на важный пост, ты все равно чрезмерно не навредишь, ибо вынужден исполнять приказы, следовать законам, нормативам и инструкциям. И хочешь – не хочешь, но ты все равно останешься деталькой, пусть и порченной, пешкой огромной машины, сгребавшей горы в нужном власти направлении. Менять государство – это все равно как голыми руками пытаться остановить едущий бульдозер. Нет, остановить можно, но нужен совсем другой уровень воздействия. Например, не упираться ладонями в капот или отвал, а просунуть руки сквозь него и порвать провода в двигателе. Но десятком, даже сотней единомышленников, наведением морока на нескольких чиновников добиться ничего нельзя. Перемелет и не заметит.

– То есть ты ничего изменить не способен?

– Самое обидное, что могу, – заложил руки за голову ее любимый чародей. – Я ощущаю себя таким паровозом, гигантом мощностью в тысячу лошадей, который никак не может пройти бункеровку и залить цистерну. В моей топке вместо угля горят пыльные забытые газеты и старые картонные коробки, а в котлах вместо воды кипят остатки утренней росы. И потому вместо тысячи лошадиных сил я выдаю только одну, да и то кошачью.

– Ну, сегодня ты уж точно показал не кошачью, а львиную силу! – Катя наклонилась к колдуну и поцеловала его в губы.

– Разве это сила? – посетовал Андрей, когда девушка снова села в постели. – Вот раньше у магов была мощь, так мощь! Три тысячи лет назад они правили миром и почитались богами. Фараоны и повелители колесниц, Будда и Пернатый Змей, великий Сварог и могучий Рама. Они строили пирамиды и прокладывали мосты через моря, они создавали новые растения для полей и варили руду, они повелевали погодой и предсказывали будущее. Они научили людей земледелию и металлургии, они создали календари и целые народы. Я тоже так смогу, Катя... – Молодой человек невольно сжал кулак. – Я чувствую это, я знаю! Я могу сворачивать горы и вести за собой целые нации! Я могу избавить человечество от грязи и открыть врата во вселенную! Но, черт побери, тень научила меня колдовству, но не сказала, где брать для него силу!!!

Кулак парня яростно ударил в стену.

– А где ее брали древние боги?

– Никто не знает, – вздохнул молодой колдун. – Три тысячи лет назад боги были всемогущими, а две тысячи лет назад о них уже начали забывать. К власти пришли жрецы, потом воины. Но ни за теми, ни за другими особых свершений не замечено. То ли у богов иссяк источник энергии, то ли они попросту забыли, как эту энергию получать.

– Разве такое возможно?

– Запросто! – хмыкнул колдун. – За последнее поколение люди успели забыть, как нужно косить траву и рубить дома, как высекать огонь и считать в уме, как ткать полотно или вязать сети. Представь себе на миг, Катенька, что весь бензин в мире вдруг пропал. И что люди вокруг станут делать без триммеров и бензопил, без зажигалок и калькуляторов? Кто сегодня сможет

воспользоваться деревянными счетами, наточить рубанок или собрать косу из полотна, шнура и молодой осинки? Воспользоваться кресалом или бумажной картой? Да никто! Вымерли такие умельцы, словно шерстистые носороги. За ненадобностью. Может быть, создав кукурузу и железо, прорыв каналы и построив мосты, боги решили, что настал золотой век и можно почитать на лаврах? А когда энергия понадобилась снова, никто уже не помнил, каким образом и откуда она качается...

– Такие вещи обычно записывают, да еще и в нескольких копиях.

– Любимая, бумагу изобрели всего семьсот лет назад. До этого практически никто и ничего не записывал. Изустная традиция – основа основ всех великих древних культур. Индуизм и шаманизм, буддизм и славянство, ламаизм и синтоизм... Даже христианство стояло на изустной традиции! До тех пор пока неугомонные греки не захотели записать для себя интересные побасенки... В итоге вышло, что все священные книги еврейского народа созданы, вот досада, на греческом языке, – тихо хмыкнул Андрей. – Но свои тайны и знания во всех народах и религиях передавались посвященными посвященным, из уст в уста, от старших к младшим, век за веком, поколение за поколением. «Священно лишь слово изреченное», как говорят индусы, или «Вначале было слово», как заверяет Библия. Однако пришло христианство на Русь, загнали носителей арийской древней традиции под шконку, не нашлось старому волхву кому пересказать мудрость веков – и все... История половины континента канула в небытие, словно корова языком слизнула. А ведь со времен богов не пять и не десять, тут сто поколений миновало! Столько даже си-ди диски не проживут, не то что пергамент или керамика.

– Я не верю, – покачала головой Катя. – Не может быть, чтобы не было способа раскопать эту тайну. Ты же колдун, Андрей! Придумай что-нибудь! Не знаю... Окно в прошлое, телефон поколений. Машину времени! Напрягись, чего ты киснешь?! Тень свою спроси, может, она чего подскажет?

– Ты кое о чем не знаешь, Катя, – тихо ответил молодой человек. – Когда тень впервые вошла в мою жизнь, она сказала, что построить алтарь и уйти в прошлое, на сто поколений назад, есть мой долг и обязанность. Я должен открыть врата в наш мир великому магу древних времен, попавшему в ловушку врагов. Этот чародей смог возвысить родовую славу наших предков до невероятных высот, и за это на него ополчились все прочие боги Земли.

– Ого! – сглотнула девушка, в душе которой не мелькнуло и тени сомнения в правдивости слов Андрея. – То есть мы приведем его сюда, станем его ближайшими, главными помощниками и переделаем государство в правильную сторону? Он ведь поможет нам? Научит тебя добывать настоящую колдовскую силу?

– Понимаешь, – почесал подбородок колдун, – даже не знаю, как тебе объяснить? Из рассказа тени получается, что попавший в ловушку могучий полубог древности – это и есть я.

Большой алтарь

– Вот черт! – после очень долгой паузы наконец-то произнесла Катя.

– В общем, да, – со вздохом согласился Андрей.

– И как ты туда попал?

– Думаю, отправился, чтобы узнать секрет владения настоящей силой, – пожал плечами колдун. – Наверное, арийские боги научили меня всему нужному, и я смог поднять русский народ до уровня самой передовой цивилизации. Я ведь, как тут ни крути, на сто поколений старше, почти получил высшее образование, знаю кое-какие технические хитрости и все прочее. Так что изначально имею невероятную фору для мира древности. Вот русофобы тамошние против меня и объединились и как-то заловили.

– Это ты так думаешь или тебе тень рассказала? – уточнила Катя.

– Тень пришла в наш мир с одной-единственной целью. Научить меня, как правильно построить Большой алтарь, – ответил студент-медик. – Этакая полуживая, полумыслящая прозрачная техническая энциклопедия. Ты много смогла бы узнать о жизни в СССР или о биографии автомобильного конструктора по «Каталогу запчастей для “Запорожца”»? Вот и тень была примерно такой же. Камни, нежить, руны, стихии... Это были единственные вопросы, на которые она отвечала. Кстати, большинство колдовских навыков я получил не от нее. Кикиморы с анчутками научили. Для алтаря нужна мертвая вода, мертвую воду умеет добывать только нежить. Если бы не это, я бы наверняка ничего не знал ни про леших, ни про кикимор, ни про травников. Тень промолчала обо всем, что не нужно алтарю. Пришлось выспрашивать самому.

– Хочешь сказать, что лешие существуют?

– Это потомки древних народов, их совсем немного, – задумчиво ответил Андрей. – Я тебя познакомлю. Но не факт, что ты сможешь их заметить. Они не любят попадаться на глаза. Ты ведь ни разу не видела нашего домового? А он очень часто рядом крутится. И в душ постоянно за тобой бежит.

– Подглядывает?! – округлила глаза Катя.

– Нет, за жилище свое беспокоится. Ты там под ванной ничего не трогай, хорошо?

– Обалдеть! – запустила пальцы в волосы девушка. – Так мы здесь не одни?

– Ничего, привыкнешь, – пообещал молодой колдун. – Это ведь нежить. Даже не кошка или попугай. Домовой обладает разумом, он неизлечимый перфекционист, он немного похож на нас. Но все равно... полудух. Стесняться его – это все равно как стесняться зеркала или компьютера.

– Подожди, – мотнула головой Катя. – Ты хочешь сказать, что знаешь, как можно отправиться в прошлое, и ни разу не попытался этого сделать? Хотя бы из любопытства!

– Для того чтобы попасть в прошлое, нужны три непереносимых условия. – Андрей поднял руку с растопыренными пальцами: – Сам Большой алтарь, большое желание пройти сквозь его жерло и большая любовь. Честно говоря, со вторым у меня всегда было слабовато. А в третье я до последнего времени просто не верил.

– Любовь вершит чудеса... – Девушка провела ладонью по груди парня – Чем-то сказочным веет от таких условий. Елена-премудрая, спящая принцесса в башне, Золушка с хрустальными башмачками.

– Сказка ложь, да в ней намек, – в тон ей ответил молодой человек. – Только любовь способна намертво скрепить двух людей, находящихся в разных концах вселенной. Или в разных мирах, разделенных тремя тысячами лет. Если любви не будет, алтарь захлопнется, и я окажусь запертым в прошлом. В крепкой неразрушимой ловушке.

– И тебе придется посылать в будущее тень... – Катя посерьезнела. Поднялась с постели, подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. После долгого молчания спро-

сила: – Получается, я тебя предала? Раз ты оказался в ловушке, раз призрак послал за помощью, это значит, что моя любовь не прошла испытания?

Андрей тоже поднялся, подошел сзади, легонько куснул ее за шею. Шепнул:

– Ты невнимательна. Тень говорила, что в ловушку меня поймали чужие боги. Враги.

Про предательство или любовь она не поминала ни словом.

Девушка облегченно рассмеялась, повернулась к нему, закинула руки за шею:

– Я буду любить тебя вечно! Крепко-крепко, как в первый день! – И их губы сомкнулись в долгом поцелуе, который закономерно вернул влюбленных в постель.

Спустя полчаса Катя блаженно вытянулась и спросила:

– Если ты спасешь себя, великого мага, из ловушки времени, то вас вернется сюда двое? Я правильно понимаю?

– Это ты о чем? – насторожился студент-медик.

– Да так, любопытно, – перекатилась на живот девушка. – Интересно, у твоего двойника есть девушка или я одна на всех? Амулет любви признает его за своего?

– Ага... – Андрей прищурился, улыбнулся: – С другой стороны, если в прошлом я, то если я туда не направлюсь, то там никого не будет, поскольку я-то здесь. И ловушка окажется разрушенной еще до ее возникновения. Просто не нужно ничего делать, и все! Мы победим автоматом. Без малейших хлопот.

– Но, с третьей стороны, если он – это ты, то ты вернешься величайшим магом вселенной! Почти богом! Только чуть постарше. – Катя снова перекатилась, села на молодого человека сверху, прижав ладонями его плечи к простыне, наклонилась вперед: – А рядом с тобой буду я, твоя верная королева! Ты ведь сделаешь меня королевой, Андрей?

– Разве ты не собиралась стать министром? – напомнил чародей.

– Если уж я попала в сказку... Если я встретила настоящего колдуна, живых домовых, реальные амулеты... То я хочу эту сказку целиком! – Она наклонилась ниже, глядя в глаза избраннику: – Ты мой принц, правильно? По сюжету тебе положено возвести меня на трон!

В этот раз молодой человек промолчал, став заметно серьезнее.

Екатерина опустила еще ниже, коснулась его губ своими, прошептала:

– Я люблю тебя, Андрей. Я навсегда твоя, душой и телом. Моя судьба в твоих руках. С тобой угаснуть или с тобой вознестись. Я хочу, чтобы ты вознесся... – Она подождала ответа, вдруг резко распрямилась: – Только не говори мне, что ты сам не хотел это сделать! Ты знаешь секрет перемещения во времени, ты знаешь, что станешь в прошлом почти богом. Неужели ты не собирался все это воплотить в реальность?!

– Мне не хватало самого главного элемента, – прошептал молодой чародей. – Камни, руны, амулеты – это все пустяки, ремесленное дело. Главный элемент – это любовь.

– Ты ее нашел, – снова качнулась вперед девушка и опустила ладони Андрею на щеки.

– Нашел, – согласился тот. – Я люблю тебя и не хочу с тобой расставаться.

– Так и не надо!

– Ты забыла? Этого требует Большой алтарь. Я уйду в прошлое, ты останешься здесь. До тех пор, пока ты меня любишь и алтарь цел, между мирами будет натянута прочная нить, не позволяющая проходу закрыться. Этакая нить Ариадны, по которой я смогу вернуться. Или вытащить своего двойника. Или... В общем, нам придется разойтись в разные миры, разойтись неведомо на сколько лет. Может быть, навсегда.

Теперь настал черед замолчать девушке. Она смотрела на Андрея и кусала губы, не в силах определиться между двумя самыми сильными желаниями: быть рядом с любимым или вознестись к невероятному могуществу.

– Есть другой вариант, – мягко предложил колдун. – Я великий целитель. Закончу институт, стану врачом, буду неплохо зарабатывать. Мы сможем жить нормальной, счастливой семьей, в покое и достатке.

– А как же это? – Катя провела ладонью по свастике, наколотой на груди молодого человека. – Величие арийского народа, ложь продажных историков, возрождение Аркаима, изменение школьной программы?

– Разве ты будешь против, если я стану посвящать часть своего времени этой деятельности?

Девушка усмехнулась. Поднялась. Снова встала перед окном, опершись лбом в темное стекло. Пробормотала себе под нос:

– Жить долго и счастливо, в покое и согласии, трудолюбиво возделывая свой виноградник и посещая каждую субботнюю мессу. Бла-го-дать... – Она извернула голову, ухитрившись поймать взглядом любимого, не отрывая лба от стекла. – Андрей... Такой шанс, как выпал тебе, достается одному на триллион. Если мы хотя бы не попытаемся, то не простим себе этого никогда в жизни! Упустить мечту... Это почти как потерять любовь. А зачем нам жизнь без любви?

* * *

Река пахла кислым торфяником и тиной, в ласточкиных норках пищали птенцы, а их родители с легким шелестом резали крыльями воздух, ловя мух, стрекоз, жуков и бабочек. Из-за спины с поля тянуло влажно-сладким цветочным ароматом, там стрекотали бесстрашные кузнечики и деловито гудели шмели. И сустились люди.

Андрей сидел, поджав ноги, на самом краю заросшего сурепкой обрыва, глядя на медленно текущую внизу воду. Колдуну было странно находиться в стороне от общей суеты. Обычно именно он – волхв общины – занимался организацией всех обрядов и праздников. Но сегодня он оказался не одним из старших, а обычным молодым русичем, решившимся изменить свою судьбу, и потому одет был не в привычную длинную суконную накидку с капюшоном, а в полотняную рубаху, на голове его лежал собственноручно сплетенный венок из двух дубовых веток, пояс отсутствовал вовсе, и только на ногах были обыденные стоптанные кроссовки – плести лапти никто в общине так и не научился.

– А не заскучал ли ты в одиночестве сидеть, добрый молодец?! – наконец-то подошли к нему Соболев и Кузня. – Не пусто ли тебе едину в мире огромном оставаться? Не желаешь ли на охоту сладкую сходить, ладных лебедушек словить? После охоты хорошей и обед сытным бывает, и день веселее, и ночь теплее!

– Отчего и не сходить в честной компании? – с облегчением поднялся Андрей. – Добру молодцу веселая охота завсегда в радость!

– Место ты тебе покажем славное, уловное. Да токмо тайное оно. Посему, позволь, глаза мы тебе завяжем... – Друзья быстро накинули ему на лицо плотную байковую повязку, под локти отвели немного в сторону, закужили: – Ой идем-идем дорогой дальнею, дорогой сложною, через поля и овраги, через горы с перелесками, к месту заветному, к месту стану охотничьему... Ай, гляди, вот и пришли! Лови свою лебедушку!

Мужчины отступили, оставив жениха одного. И тут же со всех сторон зазвучали женские голоса:

– Из-за гор холодных, из-за гор высоких, из-за леса густого, леса темного вылетали ветры буйные, отбивали лебедь белую, да от стаи лебединья, да от стаи белокрылья, прибывали лебедь белую то к гусям, то серым уткам. То не лебедь – красна девица, то не гуси, серы уточки, те лебедушки юные. Ай, лебедушки, гляньте: селезень! Ай, берегись-берегись, поймает-поймает!

– Лови ее, лови! – громко закричали мужчины.

Со всех сторон послышалось веселое кряканье, хлопанье в ладоши. Шелестели по траве длинные рубахи, смеялись девушки, топали босые ноги.

Андрей чуть склонил голову, невольно шевельнул крыльями носа, ощутил аромат каркаде с кофейной горчинкой и со слабой примесью персиков, повернул на него. Сделал пару шагов, и в его руках оказалось женское тело.

– Поймал! – радостно закричали мужчины. – Целуй скорее, целуй!

Однако молодой человек не спешил. Он провел кончиками пальцев по лицу и груди попавшейся лебедушки. Судя по запаху, его добыча недавно доливала тосол в радиатор. Андрей понял, что сцапал Мирославу, постоянно латающую свой «уазик», покачал головой:

– Юна больно уточка для вертела, пусть подрастет... – и под общий хохот отпустил.

Женщины снова забегали, закричали, хлопая в ладоши. Жених снова двинулся к аромату каркаде и опять уже через два шага сцапал очередную жертву. Прижал к себе, демонстративно погладил по макушке, едва достающей до плеча, отпустил:

– Подрасти пока, утенок.

Стая лебедушек захлопотала.

– Они на примету сговорились! – услышал он заговорщицкий шепот. – Переплести ее надо и шитье наколоть!

Молодой человек шагнул на голос.

– Волхв! – испуганно охнули девушки.

Андрей ощутил быстрые шаги – аромат каркаде с горчинкой явно утягивал с его пути, резко повернул, ухватил за талию очередную добычу, притянул к себе.

– Эта тоже недоросоль, охотник! – разочаровались мужчины. – Бросай! Настоящую лови!

Молодой человек колебался не больше секунды. Потом привлек жертву к себе и крепко поцеловал:

– Моя ты отныне и навек, лебедушка! Моя! – Он сорвал повязку, рассмеялся и поцеловал Катю еще раз: – Смотрите все, русичи! Вот моя добыча! Вот моя лебедушка! Моею будет отныне и навсегда!

Мужчины хлопали, женщины взялись за руки, повели хоровод, громко распевая:

– По морю уточки плавали, плавали, душа, плавали. У! Откель взялся селезень, с неба налетел, крыльями замахал, всех уточек разогнал, душа, разогнал. У! Одну уточку к себе взял, взял. Под куст ракивов утянул, утянул. Не вернуться девице красной от куста ракитова, душа моя, нет пути к морю вольному. Утянул селезень, душа, утянул.

Под эти распевы молодой человек крепко взял Катю за руку и повел вниз со взгорка к растущей у самой воды густой вербе, украшенной многими ленточками и серебристым новогодним дождиком. Здесь их дожидался преувеличенно нахмуренный Михалыч, одетый в волховскую накидку Андрея и опирающийся на его посох, покрытый множеством зарубок.

– Кто такие будете, смертные, и с чем к месту святому пожаловали?! – сурово спросил ювелир, пристукнув посохом о глину.

– Лебедушку красную поймал я на охоте молодецкой, отче, – ответил Андрей. – По сердцу легла мне сия лебедушка, и иной отныне себе не желаю. Свяжи меня с нею, отче, судьбой единою, судьбой неразрывною на веки вечные с часа сего и до дня последнего!

– Молодца доброго на охоте своей я поймала, отче! – задорно заявила Катя. – По сердцу он мне пришелся, и иного себе не желаю!

– Экая вам блажь пустая в голову пришла! – опять стукнул посохом Михалыч. – Ступайте с глаз моих! Подумайте поперва хорошенько, опосля приходите!

Андрей тяжело вздохнул, кивнул и повел девушку за собой, к самой воде, вдоль берега, потом от него, вокруг нарядного ракитового куста, и вернулся к Михалычу. Громко сообщил:

– Помыслил я, отче, и не желаю себе иных лебедушек окромя этой, Екатериной при рождении нареченной! Беру ее под покровительство свое, и пусть отныне все ее беды моими бедами станут, а мои радости ее радостями!

Андрей снял венок из ромашек с головы девушки, отшвырнул и надел ей на голову свой, дубовый.

– Помыслила я, отче, и не желаю себе иных молодцев, кроме Андрея! – звонко сообщила Катя. – Отныне вверяю себя заботам его, а его принимаю под свою заботу!

Она развязала на себе сплетенный из лыка пояс, накинула его на талию молодого человека, крепко завязала и даже подергала, проверяя прочность получившихся пут.

– Коли сами решили все, то к чему вам благословение мое? – пожал плечами Михалыч. – Живите так, по разумению своему. Ступайте отсель!

Держась за руки, жених с невестой во второй раз обогнули ракитов куст и опять предстали перед волхвом.

– Вот жена моя пред богами и людьми, отче! – сказал жених. – О том тебя извещаю и благословения прошу от неба и земли, от вод текучих, от полей тучных, от ветров быстрых... И от тебя, отче, аки от рода своего кровного. Пусть семья наша станет ладной, прочной и плодovитой!

– Вот муж мой пред богами и людьми... – Катя повторила обращение Андрея почти слово в слово, и Михалыч смирился.

– Ничем вас, вижу, не пронять! – кивнул он. – Коли решили накрепко о союзе сем, так уж не обессудьте. Судьбу прежнюю ныне забираю у вас навеки и обратно более не верну. Не будет у вас более своих судеб, а станет одна на двоих. Поднимите руки!

Жених и невеста с готовностью вскинули кулаки с оттопыренными мизинцами, волхв тут же накрепко смотал их тонкой шерстяной ниткой:

– Как нить эта одна на двоих вам даруется, так и судьба отныне одна на двоих будет. И сколь долго нить целой останется, столько и судьбе вашей общей прочною оставаться, столь же долго в любви и согласии вам жить. Ступайте отсель, охотник с лебедушкой! Коли желаете небо, землю, богов и род свой о единении своем известить, до полуночи доказательство оногo извольте доставить! Ступайте! – ударил он посохом.

Андрей и Катя, уже прочно связанные, в третий раз обошли куст вербы, после чего попали в окружение неоязычников.

– Ай, влипла девка красная! – выкрикнула какая-то из женщин. – Переделают на бабу и «спасибо» не скажут!

– Молодая, не бойсь! То не железный гвоздь, не проткнет насквозь! – отозвалась другая.

– Лед трещит, вода сочится, девка в бабы не годится!

С такими шутками и прибаутками участники общины проводили молодых обратно на холм, к просторной парусиновой палатке, вокруг которой были разложены полотенца с угощениями. Однако жениху с невестой за столом места не полагалось. Их сразу отправили в палатку, в которой от края и до края, поверх толстого слоя сена, была расстелена большая простыня.

– Снопов, увы, в наше время не особенно и найдешь, – растянулся во весь рост Андрей. – Пришлось косить что есть.

– Осторожно, нитка! – испуганно воскликнула Катя, падая следом.

– Шла уточка по проулочку, налетел сокол, растрепал хохол! – отозвались снаружи. – Держись, Волхв, не ударь лицом! Покажи удаль молодецкую!

– Давай, наливай! – ответили говорившему. – Выпьем за крепость мужскую да сладость девичью! Молодые спать пошли. Богам помолились, чтобы пуще в одеяле ноги шевелились!

– Порвешь нитку, – шепотом предупредила девушка. – Плохая примета.

– По примете, она не должна порваться, пока мы брачную ночь не начнем, – так же тихо ответил Андрей. – А мы как бы уже давно... В общем, с этой приметой запоздали.

– А давай не будем рисковать? – предложила Катя. – Мало ли чего?

Андрей пожал плечами:

– Пусть будет.

Девушка вытянулась рядом. Помолчала, с улыбкой глядя на жениха.

– Все время хотела спросить. А что было бы, коли бы ты не меня, а какую-нибудь другую лебедушку во время жмуток поймал?

– Теоретически? Вообще, кого поймал да поцеловал, на той и жениться обязан, – ответил молодой человек. – Но по жизни, коли лоханулся и вместо своей невесты ухитрился другую девку хапнуть, жених договориться пытается. Иногда парень сам от постылой избранницы откупается, иногда невеста его выкупает, иногда... Иногда же и вовсе весело бывает...

Андрей наклонился вперед и поцеловал Катю. Девушка откинулась на спину, чародей поцеловал ее снова.

– Кажись, начались шевеления, наконец-то! – тут же услышали за тонкой стеной палатки. – Давай, Волхв, не посрами корень русский! Докажи, что ты мужик настоящий!

Андрей покачал головой. Потом стиснул зубы и сделал через них несколько резких выдохов.

– Ага, началось! – встрепенулись снаружи. – Наливай, мужики! За Андрюху по полной!

– Скачет соболев за куницей, вереницей, вереницей, как нагнал, как нагнал, разом под себя подмял! – поддержали женские голоса.

– Они так и будут все слышать? – шепотом спросила Катя.

– А кто сказал, что будет легко?

Девушка оскалилась и вдруг громко, с приставываниями, задышала, царапнула пальцами ткань, перешла на истошный протяжный визг – и тут же сорвалась в бесшумный хохот.

– Девку парили, парили, веником ударили! – отозвались снаружи. – Баня, баня пораспарит, женишок тебя наярит!

– Не отпускай ее, Андрюха! Крепче наяривай, крепче! Глубже борозду води!

– Придется терпеть до темноты, – тихо предупредил Андрей. – Подожди, у меня тут в углу заначка оставлена.

Он попытался отодвинуться, но Катя завела пальцы между его пальцами, крепко сжала, удерживая рядом.

– Ты чего?

– Нитка тонкая. Порвется, – предупредила она. – Я не суеверна, Андрей. Но судьбою нашей рисковать не хочу.

– Суеверные супруги должны были бы провести первую брачную ночь, сохранив нитку целой до самого конца, – придвинулся обратно к избраннице чародей. – И тогда считалось бы, что нить связующая, наложенная у ракитова куста, перешла в связь телесную. Такой вот хитрый обряд.

– А ты бы смог сделать все это... не разорвав? – прошептала в самое лицо девушка.

– Не знаю... Ни разу не пробовал... – ответил самым ее глазам Андрей.

– Ой, недолго в бане парилась девица-красавица, – уже вполне пьяными голосами пели женщины за тонкой капроновой стеной. – Смыла пыль с себя дорожную, пот усталый с себя спарила, да и смыла с добрым молодцем с себя волю всю девичью-ю-ю...

Нитка порвалась незадолго до сумерек – что означало по всем приметам любовь и согласие не только в этой жизни, но еще и на две реинкарнации вперед.

Только после этого чародей наконец-то добрался до угла палатки и вернулся с бутылкой красного вина, пробка из которой уже наполовину торчала из горлышка.

– Из горла? – вскинула брови Катя.

– И так сойдет, – выдернул пробку молодой человек и обильно полил простыню.

– Куда-куда!!! – перехватила бутылку девушка. – Хватит продукт переводить! А то подумают, что ты меня зарезал, а не девственности лишил! – Она посмотрела на этикетку: – Крымское? Тогда за нас, муж мой ракитовый! Вот уж никогда не думала, что венчаться вокруг вербы

доведется, да при том еще и самой счастливой в мире себя ощущать! В сети подружкам написать, так ведь не поверят!

Она сделала несколько глотков, протянула вино Андрею.

– За нас, любимая! – Он чуть глотнул и вернул бутылку. – Не спеши. Пусть из новостей о тебе узнают.

– Из каких? Тех, где меня министром образования назначают, али из манифеста о возрождении монархии?

– Как повезет, – пожал плечами колдун.

– Скажи, Андрей, почему у тебя никогда не было девушки? – Катя отпила из горла пару глотков.

– Почему ты так решила?

– Не будь таким наивным, – рассмеялась языческая супруга, протягивая бутылку. – В доме из еды только сосиски и персики, никакой посуды, нигде ни волоска длинного, ни заколки забытой, ни расчески, ни упаковки пластиковой из-под предметов нужных. Так не бывает. Гости моего пола хоть какой-то след, но всегда оставляют. Не на полке в ванной, так в мусорке. И вспомни, как вся община изумилась, когда прослышала, что ты с девушкой у Матвеича появился.

– Михалыча, – поправил колдун.

Катя улыбнулась, отобрала вино, отпила еще чуть-чуть.

– Владение магическим даром издревле воздержанием обуславливается... Ну, переход одной энергии в другую, накопление, самодостаточность и все такое... – покрутил кистями Андрей, словно открывал сразу два крана на смесителе. – Короче, я не бабник. Таким уж тень воспитала. А почему ты спрашиваешь?

– Беспокоюсь... – Девушка опять приложилась к горлышку. – Кабы моряка в дальний рейс отправляла али космонавта на орбиту на пару лет, так там все ясно, там соблазнов нет. А вот в другой мир такого добра молодца... Ведь поклонниц не один десяток наберется. Вдруг не устоишь?

– Так ведь я учиться отправляюсь, а не в загул, – улыбнулся колдун. – Воздержание – наше все.

– Как бы мне хотелось тебе этот целибат прямо сейчас компенсировать, – вздохнула Катя, – но кто-то намочил всю простыню... – Она перевернула бутылку, и из нее на бордовое пятно выкатилась еще одна капля. – Когда будем предъявлять доказательство?

– Потом, – отмахнулся Андрей. – Пойдем лучше воспитателям моим поклонимся.

Молодые оделись, выбрались из палатки.

Чародей прижал палец к губам, девушка понимающе кивнула – и оба незамеченными прошли мимо вольготно пирующих неоязычников к сложенным чуть в стороне вещам.

Из своего рюкзака Андрей достал термос, свежий мягкий батон, повел Катю за собой вниз, к ракитовому кусту, по пути тихо просвещая:

– Нежить лесная, она сытая и вольная, живет не по законам, а по справедливости, издревле чужих глаз не любит, и потому их никто обычно не видит. Но чего им в краях своих почти неведомо, так это угощений людских, в чаще просто невозможных. Булочки белой здесь испечь негде и некому, корову подоить тоже. Посему на угощения столь простые они диво как падкие. И по справедливости в обмен на угощение просьбы простенькие исполняют с охотой. Так что колдовства в этом никакого нет. Нужно их просто найти или позвать. Мало их, увы, ныне осталось. Народ сей бессмертным считается. Однако же вымирает.

Возле украшенной вербы Андрей остановился, поклонился:

– Тебе благодарность, Триглава, мать-земля наша. И тебе, Макошь, что достаток наш бережет. И тебе, Купала-красавица, любви земной покровительница. Благодарю, что брак мой с любой моей Катенькой приняли и благословили. И вам поклон, хозяева здешние, берегини

добрые, травники хозяйственные, лешие могучие, водяные премудрые. Порадуйтесь за нас, на пиру нашем угоститесь, хлебушка-молока откушайте... – Колдун открыл термос, поставил крышку среди корней вербы, наполнил до краев молоком, сверху положил почти полбатона булки. Остальное – термос и оставшуюся булку – оставил рядом: – Примите наше угощение, хозяева здешние, да милость сделайте. Одарите нас двумя волосами русальими да водой мертвой...

Он отвел девушку под самый обрыв, поднял голову к тонкому полумесяцу нарождающейся на звездном небе Луны. Оглянулся через плечо:

– Сегодня вроде светло. Книжку не считаешь, но самое интересное разглядеть можно...

– Зачем нужна мертвая вода? – спросила Катя.

– Все, как в сказках, – ответил молодой чародей. – Мертвое оживляет, живое убивает. Если Луну клятвам своим в поручители берешь, мертвую воду выпить нужно. Она не просто жидкость, она в тело смертное как бы впитывается. Навсегда. Честному человеку все равно, есть и есть, без разницы. Но коли ты слово свое нарушишь, Луна ее вызывает и... И все, считай, чашу Мары выпил. Мертвец.

– Сурово, – нервно кашлянула девушка.

– Половина заклинаний без поручителя из мира вечных сил не действует, – тихо ответил Андрей и крепко обнял молодую жену. – А они просто так своего покровительства не дают. Бревно на другом берегу реки видишь? Смотри на него, не отрываясь. Теперь, не двигая зрачками, самым краешком зрения... У ракитового куста кто-нибудь есть?

– Не знаю... – Катя нервно облизнула губы. – Кажется, что-то шевелится...

– Смотри только на бревно. Прямой взгляд бесполезен, его нежить отводит.

– О-о, черт, там снежный человек! – вздрогнула девушка. – А у меня телефон в куртке остался!

– Руки длиннее ног? Это леший. Быстро он. Первыми обычно криксы прилетают.

– На ветках волосатые амурчики...

– Угадала, это они.

– Кто-то светлый еще... На девушку похож...

– Берегиня. Это хорошо, берегини лучше всех отдают. Но мертвой воды у них нет, тут на крикс главная надежда.

– Ты их всех знаешь?! – удивилась девушка. – Откуда?

– Я же рассказывал. Когда был маленьким, они от меня даже не прятались, в камушки-воротики с ними играл. Потом, как повзрослел, нежить осторожнее стала. Но и сейчас часто на глаза попадает. Мне взгляд отвести трудно, я ведь и сам колдун.

– Крикса без крыльев? – усмехнулась девушка.

– Кто его знает? – пожал плечами Андрей. – Может статься, так оно и есть.

– Темно стало под твоим кустиком. Похоже, булочку того... Ням-ням.

– Так это хорошо, – отпустил жену чародей. – Пойдем смотреть.

Катя быстро повернула голову, но ничего не увидела ни возле куста, ни на дереве над ним. Хотя мгновением раньше готова была поклясться, что...

Она снова глянула на бревно и сглотнула:

– О-о, черт!

– Вот именно, – тихо засмеялся Андрей. – Они среди нас. Нужно только научиться их видеть. Но пирушка уже закончилась, разбираются.

Среди корней вербы поверх пустого пакета лежал опрокинутый набок термос, стояла крышка с темной водой. Молодой человек наклонился, подобрал несколько еле заметных волосинок, спрятал в карман, поднял пластиковый стаканчик:

– Ты не передумала?

– Нет! – твердо отрезала Катя.

– Тогда пора. Скоро полночь.

Русичи заметили их, когда молодые уже поднялись на обрыв.

– Глядите, глядите, чего там Волхв творит! – закричала Мирослава, и вся община поспешила от палатки к реке.

Андрей тем временем стянул рубаху, перевернул заранее подготовленный амулет, уже заговоренный, заряженный и щедро залитый с обратной стороны воском, зажег торчащий из него фитилек, передал жене и опустился на колени, сложился, опустив лоб к самой земле, смяв влажную траву.

Катя, как ее учили, сдула с развернутой бумажки легкий серый порошок, начертала амулетом нарисованный на листке знак и дрожащим голосом проговорила:

– Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные призываю! Быть мне единой плотью с мужем сим отныне и до часа последнего, и да будет его беда бедой моею, его радость моею радостью, его боль моею болью, его счастье моим счастьем. Пред тобой, хозяйка ночи, клянусь, что не оставлю его ни в беде, ни в болезни, ни в горести и призываю тебя сей клятве в поручители. И да станет час нарушения сей клятвы моим часом последним! – Она подняла с земли пластиковый стаканчик от термоса. – Земли отчие, воды текучие, прах родовой, небеса вечные, владычица ночная! Примите сию клятву и отдайте мне плоть мужа сего. Да буду едина я с ним, как едина с дыханием, душой и помыслами своими. Отныне и навеки!

Она решительно опрокинула в рот стаканчик, осушив до последней капли, и в тот же миг начертанная в воздухе руна полыхнула и плавно опустилась вниз, на обнаженную спину. Огонек на амулете дрогнул и погас.

– Андрей, – хрипло сообщила девушка. – Кажется... Мне кажется, Луна приняла мою клятву...

Молодой чародей выпрямился. Катя поцеловала его в грудь, чуть выше свастики, и надела на шею серебряный, с янтарной сердцевинкой, слабо светящийся в темноте амулет любви.

– Я один это видел? – свистящим шепотом спросил Михалыч. – Или мне не стоило мешать водку с портвейном?

– Это же Волхв. От него всего ждать можно, – неуверенно ответила Мирослава.

– Что замерли, други мои?! – улыбнулся им Андрей. – У меня жена появилась. Любимая, любящая и верная. Это нужно отметить, разве нет?!

* * *

По Рублевскому шоссе Андрей проехал до самого конца, пока оно не сузилось до грунтовки в шесть метров шириной и не запетляло по тихой деревеньке в полсотни дворов. Колдун затормозил возле новенькой часовенки, окруженной бетонной площадкой, заглушил мотор, выдернул ключи из замка и протянул девушке:

– Вот, держи. Доверенность в бардачке, в страховку я тебя уже вписал. Машина, естественно, заговорена на отведение глаз, так что тормозить не должны. Но если превышать скорость, ездить по встречке и подрезать гаишников, заклинание не помогает. Слабенькое. Так что правила лучше не нарушать.

Он вышел из машины, открыл заднюю дверцу, достал и закинул на плечо тяжелый рюкзак.

Студент-медик был одет по-походному: штаны и ветровка из плащевки, ботинки на толстой подошве, кепка с завернутыми наверх наушами и длинным козырьком.

– Почему сюда? – спросила Катя, тоже выбираясь наружу.

– Посмотри вокруг, – предложил Андрей. – Ничего не замечаешь?

– Деревня как деревня, – пожала плечами девушка.

– Все правильно, деревня, – согласился молодой человек. – Но у нее есть одна важная особенность. Ее достоверный возраст составляет три тысячи лет. Это одно из немногих мест на планете, про которое можно абсолютно точно сказать, что сто поколений назад здесь не было ни лесов, ни болот, ни какого-нибудь разбойничьего замка или еще какого неожиданного сюрприза. Попад в прошлое на этом берегу, я не окажусь на стремнине поменявшей русло реки, в стволе дерева или под каменным валуном. Археологи перекопали тут все до последнего куста и дают полную гарантию.

Он уверенно направился мимо церквушки вниз по тропе, и через сотню метров молодые супруги прошли под небольшой деревянной аркой с надписью широкими желтыми буквами:

«Археологический памятник “Дунино городище”».

– Там, на склоне, стояли дома, – вытянул руку колдун, – от них к Москве-реке шла тропинка, по сторонам от нее имелась обширная помойка с рыбными костями и чешуей. Видимо, русы сортировали там и чистили улов. Святилище стояло дальше и выше, на холме, а слева скотный двор располагался, судя по наслоениям.

– Ты как будто все это видел! – хмыкнула девушка.

– Отчет археологов читал. – Андрей остановился на лужайке в нескольких шагах от воды. – А здесь не было ничего. Заливной луг, ничего не строили, чтобы половодье не снесло. Тут либо косили, либо скотину пасли. В общем, то, что надо.

Он снял рюкзак и опустил на землю.

– Что-то мне не по себе... – призналась девушка, взяла его за руку.

– Ну да, – улыбнулся колдун. – Шаг в пропасть. И можно только надеяться, что внизу не отточенные колья.

– Типун тебе на язык! – передернула плечами Катя. – Мне чего-то уже расхотелось быть королевой и министром. Поехали домой?

– Если мы не попробуем, – Андрей, присев возле рюкзака, распустил узел, – не простим себе этого никогда в жизни. Помнишь, что ты сказала мне месяц назад? «Зачем нам жизнь без мечты».

– Три тысячи лет... – Девушка опустилась рядом. – Ты ведь даже языка их не поймешь!

– Тень полагала, что пойму. – Колдун достал несколько небольших камней. – Коли язык птиц и зверей понимаю, нешто с людьми не договорюсь?

– Ты знаешь язык зверей?! – изумилась девушка. – Ты мне про это не говорил!

– Язык – это слишком громко сказано, – скромно уточнил Андрей. – Болтология животным несвойственна. Просто мы понимаем друг друга.

– Ого! Чего еще я не знаю?

– Я урожденный колдун, любимая моя, – поднял на нее голову студент-медик. – Мой слух намного острее, чем у обычных людей, обоняние лучше раз в сто, я чувствую болезни и вижу нежить, я могу управлять погодой и наводить морок. Создавать галлюцинации, как это по-умному звучит. Я умею многое. Просто у меня не хватает силы, чтобы это умение использовать. Эта тайна скрыта где-то там, за вратами Большого алтаря, создать который я способен всего за полчаса. Предлагаешь остановиться?

– Просто немного нервничаю... – понизила голос Катя.

Молодой чародей разложил треугольником камни из темного гранита с выцарапанными на них светлыми крестами. Перекладины заканчивались короткими рисками: древняя руна долгого пути. Затем выложил еще один из белых камней, но с черными крестами. Треугольники наполовину заходили один на другой, устремясь вершинами в разные стороны, образуя все вместе Соломонову звезду. Середину Андрей очертил кругом из белого порошка, похожего на толченый мел, затем в самом центре прихваченной монтажкой пробил в земле глубокую дыру.

– Хорошая примета, валунов не попалось, – сказал он, отложил железку, сходил к реке и набрал в пластиковую бутылку воды. – Это будет живая. А мертвая у меня с собой.

Последними он извлек из бокового кармана рюкзака два заостренных керамических стержня в два пальца толщиной и три ладони длиной. Катя знала, как были сделаны стержни, своими глазами видела. В каждом был закатан волос русалки, в каждом по пряди связанных волос ее и мужа, в каждом по ногтю ее и Андрея, на каждом оттиски обоих амулетов любви. С виду все казалось очень просто: немного глины, немного воды, пара недель просушки, а потом обжиг в муфельной печи Михалыча. Однако после обжига стержни вот уже неделю оставались теплыми, и девушка подозревала, что какую-то часть обряда колдун от нее все-таки скрыл.

Ударившись друг о друга, стержни отозвались звонким гулом.

– Похоже, не растрескались, – сделал вывод молодой чародей. – Все в порядке. Получается... я готов?

Катя, неожиданно для самой себя хлупнув носом, кинулась Андрею на шею и принялась его целовать. Через минуту отступила, торопливо отерла ладонями лицо:

– Ты скоро вернешься?

– Кто ж его знает, моя родная, – оглянулся на полуготовый алтарь ее муж. – Это же время! Может быть, я вернусь через минуту, но постаревшим на пять лет. А может, через пять лет, постаревшим на минуту.

– Но ведь ты вернешься могучим, всесильным магом и сможешь все исправить? – сглотив, ответила девушка. – Если я превращусь в старушку, ты меня омолодишь?

– Я буду любить тебя любой, – пообещал Андрей.

– Не нужно таких жертв, – жалобно улыбнулась Катя. – Лучше возвращайся всемогущим. И пока я молода. Обещаешь?

– Я вернусь сильным. И скоро, – твердо ответил молодой чародей.

– И никаких ловушек! – потребовала девушка, ударив его ладонью в грудь.

– И никаких ловушек, – согласился ее муж.

– Дай слово!

– Я буду обходить стороной любые опасности, научусь владеть силой, потом вытащу двойника из капкана, спроважу подальше, чтобы лишний «я» нам не помешал, и вернусь к тебе. Такой план, – отчитался Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.